

Кирилл Манаков

ХРОНИКИ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕТА

Кирилл Манаков

Хроники последнего лета

«Издательские решения»

Манаков К.

Хроники последнего лета / К. Манаков — «Издательские решения»,

В администрации российского президента совершенно официально работают самый настоящий ангел и такой же настоящий чёрт... Но вот что странно — занимаются они вовсе не охотой за душами, а интригами и построением неожиданных любовных многоугольников! Интересно, зачем? Неужели только для того, чтобы насладиться, возможно, последним летом планеты Земля?

© Манаков К.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Запись 1	7
Запись 2	8
Глава I. Июнь – время неприятностей	10
Запись 3	10
Запись 4	13
Запись 5	16
Запись 6	17
Глава II. Бойтесь решительных кроликов!	19
Запись 7	19
Запись 8	22
Запись 9	24
Запись 10	25
Глава III. Реальности московского коматоза	28
Запись 11	28
Запись 12	31
Запись 13	33
Запись 14	34
Запись 15	38
Глава IV. Целеуказание для Амура	39
Запись 16	39
Запись 17	40
Запись 18	43
Запись 19	46
Запись 20	47
Глава V. Маневры влюбленного полководца	48
Запись 21	48
Запись 22	51
Запись 23	53
Запись 24	55
Глава VI. Большая политика с точки зрения рядового исполнителя	60
Запись 25	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Хроники последнего лета

Кирилл Манаков

© Кирилл Манаков, 2016

© Екатерина Давыдкина, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

С человеком, которого я буду называть Рассказчиком, мы знакомы очень давно – еще с институтских времен. Не то, чтобы он скрывает свое имя (при желании узнать его не так сложно), просто, скажем так, не хочет быть на виду. Признаюсь, мне не известно его настоящее место работы, но подозреваю, что связано оно с какими-то очень специальными и очень компетентными органами.

Первым вопросом, которым я задался, был: а почему вообще Рассказчик вынес на свет Божий всю эту историю? Прямого ответа я не получил, но для себя решил, что он, во-первых, считает все произошедшее необычайно важным для каждого из нас, а во-вторых, не связывает свое участие в нем с выполнением служебных обязанностей, а, стало быть, с гостайной. Можно, конечно, поспорить с обоими выводами, но, что называется, за неимением лучшего...

Рассказчик – прекрасный рассказчик. Хотя это утверждение – безусловный каламбур, тавтология и, вообще, стилистическая несуразность, зато оно точно передает реалии. Меня больше всего поразил не сюжет истории – ничего там особенного нет – а наличие в ней невероятного количества деталей. Причем детали эти касались не только действий героев, но и их мыслей, желаний и чувств.

Подобную информированность я сначала отнес на счет живости воображения Рассказчика. Однако, впоследствии более разумной показалась версия о том, что, либо он сам каким-то образом общался, что называется, «по душам», с каждым из героев, либо такое общение шло «под протокол», а мой vis-a-vis мог получить доступ к записям.

Объяснения же самого Рассказчика носят настолько мистический характер, что приводить их даже неудобно. Вообще, чего я лично не приемлю во всей этой истории, так это ссылку не некие потусторонние силы. Абсолютно уверен, что все можно обосновать рационально, с точки зрения науки. Впрочем... никаких оценок я давать не собираюсь, а просто передаю рассказ.

Моя работа свелась в практически дословной записи наших разговоров, перепечатыванию каракуль из многочисленных блокнотов, приданию повествованию некоторой литературности и попытке изложения событий в хронологическом порядке. Последнее удалось лишь отчасти, поскольку сюжет затрагивает многих героев, действующих в одно и то же время. Разбиение на главы достаточно условно и служит лишь для придания тексту хоть какой-то структуры. Кстати, в исходных материалах время действия было приведено с точностью до минуты – я посчитал это излишним, оставив указание даты и дня недели, с уточнением, где это необходимо, «утро» или «вечер».

Что же касается литературности, то не мне судить...

По просьбе Рассказчика, я сохранил настоящие имена и фамилии всех участников... за исключением одного – самого Рассказчика. Да-да, он также стал персонажем своей же истории, пусть не главным, но весьма заметным. На мой взгляд, роль его была неблагоприятной... но, давайте останемся верны принципу не давать оценок!

Вот, собственно, и все.

Запись 1

Комментарий Рассказчика

В квартире Карла Иммануиловича Гофмана на Спиридоновке много интересных вещей. В прихожей, например, гостей встречает чучело гигантской летучей мыши, в гостиной видное место занимает стол, сделанный из цельного куска нефрита, а в пепельнице на кухне лежит искусственный глаз с изумрудной радужкой.

Сам же хозяин обязательно показывает гостям кусок старинного папируса с едва различимыми греческими буквами. Карл Иммануилович искренне считает его самым главным экспонатом в своей коллекции редкостей, оценивая возраст примерно в две тысячи семьсот лет.

Впрочем, профессор Московского Университета Юрий Всеволодович Мышкин усомнился в правильности датировки. Будучи известным знатоком античности, он утверждает, что климат Эллады никак не способствовал сохранности органики. Это вам не сухой Египет! Листы папируса приходили в негодность года за три – а о тысячелетиях и говорить нечего!

Однако, Юрий Всеволодович был столь любезен, что перевел древнегреческий текст на русский язык. Получилась, надо сказать, история любопытная, но весьма сомнительная с точки зрения достоверности...

Запись 2

*Уцелевший фрагмент трактата
логографа Дионисия Хиосского «Хроники»
VII век до н. э., остров Хиос*

«... я столько прожил, что скоро Аид сам придет ко мне и проводит к лодке Харона...

Вы спрашиваете о войнах, о доблести и славных мужах? Я видел много сражений, видел, как простые люди становятся героями и как исполненные величия правители бегут, покрывая себя вечным позором!

Но что с того?

У нас на Хиосе все мужчины познали вкус битвы. То же можно сказать о Спарте, Афинах, Смирне и Халкиде... да, волею богов, эллины знакомы с мечом! Каждый сможет рассказать столько историй, что не хватит жизни услышать их все!

Послушайте лучше о великом турнире аэлов в храме Аполлона.

Давно это было... думаю, я остался последним из тех, кто видел все своими глазами.

Раньше я почитал аэлов жалкими попрошайками, способными разве что веселить чернь... Клянусь Зевсом, я ошибался!

Верховный Жрец объявил о великой награде, ожидающей победителя. Щедрость Аполлона известна всем – и лучшие из лучших собрались на турнир со всех концов Эллады – от Пона Аксинского и Гелласпонта до Ливии и столпов Геракла!

Боги свидетели – я и помыслить не мог, насколько сладостны могут быть песни аэлов, и как волшебным звучит лира в искусных руках! Театр, тот, что у храма, заполнился людьми... нет, мы не слушали, мы стонали и рыдали от восторга! Сейчас я думаю, рядом с нами незримо присутствовали боги, пожелавшие лицезреть искусство голоса и лиры.

Но когда вышел Остроглазый...

Он улыбался, так, что некоторые прочитали в его взоре насмешку и были готовы возмутиться...

Но нет!

Для него турнир и соперничество с великими мастерами были всего лишь игрой! Он походил на ребенка, с радостной улыбкой предающегося забавам.

Остроглазый не держал в руках лиры. Послышался ропот недовольства и смех – никто не хотел слушать сухие слова без звука звонких струн. Но стоило аэду произнести первое слово...

Вы знаете, что такое тишина? Казалось, замолкли цикады и птицы, и даже ветер остановил свой бег! Остроглазому не нужна была музыка! Он говорил, а я явственно видел, как слова вызвали к жизни ушедших героев и великих богов, как сходились армии и прекрасные женщины ложились на ложе победителей! Я стал свидетелем чуда!

Стоит ли говорить, что Остроглазый победил. Он превосходил всех остальных, как быстрый сокол превосходит ленивых голубей! Когда декламация закончилась, народ безмолвствовал. Только представьте – я видел слезы на глазах доблестных и славных мужей!

А потом случилось истинное безумие! Люди кричали, плакали и аплодировали так, словно сам Аполлон сошел на землю и одарил народ Хиоса своей милостью. Больше никогда мне не довелось видеть такого восторга. Никогда...

А Остроглазый стоял и улыбался – и это была улыбка ребенка-шалуна, озорство которого вместо порицания вызвало смех взрослых.

На чело победителя возложили венок. Мне повезло, я был совсем рядом, и мог слышать, как Верховный жрец храма Аполлона тихо произнес, скрывая слова за змеиной улыбкой: «Ты

можешь лучше, но не готов раскрыть свой дар! Это плохо, Аполлону нельзя отдавать половину!»

Вечером я еще раз увидел Остроглазого. В поместье Феогнида мы пили сладкое вино, ели жареную рыбу и любовались на юных танцовщиц. Остроглазый, веселый и улыбчивый, появился в окружении прекрасных дев – и, клянусь, это были не гетеры, а дочери первейших людей Хиоса! Ночью победитель должен был войти в храм Аполлона и получить обещанную награду, а пока мог наслаждаться жизнью и милостью богов!

Остроглазый сразу же завладел нашими сердцами. Каждый хотел поднять с ним чашу и преломить хлеб! Улучив момент, я подошел и спросил: «Скажи, аэд, отчего произошло твое прозвище?» Он в ответ показал на горизонт, куда уже опускалось оранжевое солнце: «Видишь, как далекий парус спешит до темноты успеть в порт?» Я, как ни напрягал глаза, не увидел ничего, кроме ряби и играющих бликов. Тогда аэд рассмеялся: «А я вижу!»

Последний раз я встретил Остроглазого на следующий день. Впрочем, прозвище это звучало теперь насмешкой: глаза его помутнели и лишились зрачков... Такой оказалась награда Аполлона – победителя ослепили, и посадили на корабль, следующий в Халкиду.

Тогда-то я вспомнил слова Верховного жреца: «Аполлону нельзя отдавать половину!»

Два храмовых служителя под руки вели аэла по улице. Народ расступался и провожал взглядом несчастного победителя. Никто не роптал – нельзя осуждать волю божества! Я подошел и спросил: «Аэл, назови свое имя, чтобы мы знали, кого вспоминать?» Он остановился и, не поворачиваясь, ответил: «Гомер. Меня зовут Гомер!»

Кто знает...»

Глава I. Июнь – время неприятностей

Запись 3

*Москва,
Старая Площадь,
Понедельник, 29 июня*

Действительный государственный советник первого класса, заместитель главы Администрации Президента, герой России Виктор Сергеевич Загорский вошел в свой кабинет.

Из-за строгих гардин пробивались лучи пронзительного июньского солнца. Легкомысленные зайчики отражались от полировки наборного паркета и намертво застревали в коротком ворсе красной ковровой дорожки. Великий реформатор Столыпин с портрета на стене неодобрительно оглядывал помещение, предпочитая, по-видимому, более гармоничные интерьеры.

В кабинете на гостевом диванчике удобно расположился совершенно лысый человек. Он вытянул ноги, словно желая продемонстрировать стоптанные до блеска подошвы коричневых туфель. При появлении Виктора Сергеевича человек быстро поднялся, поправил галстук, поклонился ниже, чем следовало по обычному офисному этикету, и бодро сказал:

– Виктор Сергеевич, мое почтение!

– Здравствуйте, Аркадий Львович, – сухо ответил Загорский.

Начальник общего отдела Аркадий Львович Колушевский был одним из немногих гражданских чиновников, к которым Виктор Сергеевич испытывал нечто, похожее на уважение. Многочисленные проверки, как открытые, так и, само собой разумеется, негласные, подтверждали принадлежность Колушевского к редкой породе государственных служащих, работающих исключительно «за идею».

Аркадий Львович шаг за шагом поднимался по служебной лестнице вплоть до нынешней высокой должности начальника отдела, призванного заниматься вопросами, которые сам Виктор Сергеевич называл «мутными».

Утренние доклады в исполнении Колушевского были по-настоящему интересны, он умел точно препарировать любое событие, найти его первопричину и предсказать последствия. Разве это не ценное качество? Талантом аналитика способности Аркадия Львовича не ограничивались. Он виртуозно организовывал решение проблем самого деликатного свойства, за что также высоко ценился руководством.

Как только Загорский опустился в кресло, референт, словно по команде, выкатил покрытый чистейшей белой скатертью сервировочный столик со стаканом чая в серебряном подстаканнике и блюдечком обжаренных лесных орешков. Виктор Сергеевич попробовал – все как положено: настоящий Цейлон, щепотка чабреца, долька лимона, два кусочка сахара, а орешки хрустят, но не отдают горечью. Отпив несколько глотков, он кивнул, отпуская референта.

Аркадий Львович начал доклад.

И сразу же обнаружилась информация, проливающая свет на некоторые любопытные события последнего времени. Молодец, все-таки Колушевский, умеет, черт возьми, работать!

Вот, например, компания тюменского вице-губернатора приобрела ремонтную базу тяжелых бульдозеров. Мелочь, кажется, недостойная внимания, но это только на первый взгляд! База – единственная в регионе, что означает, ни много, ни мало, монополию на рынке. Тюменские давно положили глаз на строительство новой ветки нефтепровода в Китай, Транснефть еле отбилась, так нет же, решили, значит, обходным маневром прорваться. Ребята они настыр-

ные и жадные, так что придется меры принимать. Не спеша, аккуратно, скоро выборы в области, так что лишний шум не к чему. Хотя, имеет смысл подумать, может перед выборами и стоит их... по полной программе. Словом, есть, над чем поразмыслить.

В Москве все по-прежнему. Воруя, конечно, но пока в рамках, с учетом, разумеется, столичных масштабов. Новый градоначальник, похоже, привел своих в чувство. Ладно, посмотрим, как он сумеет удержать ситуацию – у местных ребятишек аппетиты сложились нескромные, как-то они переживут сокращение бюджета?

В Питере, напротив, жизнь бурлит и бьет ключом. Мусульманская фракция в гордуме при поддержке решительных бородатых пикетчиков, потребовала ввести ношение хиджаба в присутственных местах. В ответ великорусские патриоты-почвенники поставили на голосование законопроект о проведении обязательного утреннего коллективного молебна во всех городских учреждениях. Воспользовавшись случаем, оба думских либерала с подозрительным единодушием подняли крик о разрешении однополых браков.

Конец безобразиям положил глава Администрации Эльдар Рамильевич Рогов. Последовал вызов в Кремль, и после непродолжительной, но энергичной беседы, умиротворенные питерские смутьяны, сплоченные полученной трепкой, вернулись на берега Невы, горя желанием укреплять российскую государственность. На этот раз Эльдар Рамильевич отработал очень грамотно!

У замминистра финансов обнаружили красивые счета в Сингапуре. И это еще полбеды – разобрались бы по-тихому. Так нет, кто-то из фээсбэшников сначала наехал на почтенного финансиста, а потом, столкнувшись с профессиональным упрямством, слил информацию в прессу. Придется реагировать. Похоже, Кудлатов неважно справляется с контролем своей конторы. Слишком уж часто опера из ФСБ вредную личную инициативу проявлять стали!

А вообще – очень неприятная история. Замминистра – человек самостоятельный, непростой, но ведь не чужой, работает в команде. Понятно, заигрался, но ведь не для себя же! И ниточки потянуться, прежде всего, к министру обороны, Гарику Баранову. Свои же ребята, а мы своих не бросаем...

Виктор Сергеевич несколько раз прерывал Колушевского и задавал уточняющие вопросы. Аркадий Львович отвечал кратко и четко, заглядывая иногда в толстый блокнот.

Внезапно Колушевский замолчал.

– У вас все? – спросил Виктор Сергеевич.

– Никак нет, – хотя Колушевский никогда не служил в армии, военные обороты в его речи мелькали довольно часто, – еще вот...

Аркадий Львович раскрыл объемную папку, достал оттуда несколько листов бумаги и через стол протянул Загорскому. Виктор Сергеевич быстро пробежал глазами. Этого только не хватало! Некий автор, несомненно, яркий и даже талантливый, написал несколько заметок, касающихся бурной деятельности на поле благотворительности Анечки Баренцевой – умницы, красавицы и вообще очень способной девочки. Нет, прямых намеков на их связь не было, но весь смысл написанного сводился к тому, что не случайно, ох не случайно, юная студентка, без году неделя приехавшая в столицу из Рязани, получила в управление огромные средства. Отдельно автор прошелся по расходам фонда и образу жизни его руководительницы, причем сделал это очень убедительно и занимательно. Талантливый сукин сын... или сукина дочь?

Ну, надо же! Только вчера Анечка каким-то образом связалась по телефону с супругой, Риммой Владимировной, и между ними состоялся долгий и нелिцеприятный разговор. Как обычно в таких ситуациях последствия сказались главным образом на Викторе Сергеевиче, которому все это было совсем ни к чему, особенно сейчас. И так проблем выше головы, президент уже выказал свое неудовольствие положением дел с выполнением поручений...

Виктор Сергеевич, механически рисовавший на листке бумаги во время доклада Колушевского, наконец, обратил внимание на свои художества. Он неосознанно изобразил в левой

части несколько пятиконечных звезд разного размера, а в правой – десяток крестов, от простенького плюсика до египетского анка. Виктор Сергеевич отбросил ручку и с раздражением спросил:

– Это что?

– Статья, – спокойно ответил Колушевский.

– Вот это как раз понятно. Откуда она взялась?

– С утра гуляет по сети.

– По сети, значит... И что же она, сама на прогулку пошла? Кто автор?

– Выясняем.

– Медленно выясняете!

– Виноват... на девяносто процентов – художество Рудакова.

– Рудаков? Этот... – тут Виктор Сергеевич, не удержавшись, добавил, против своих правил, сочное непечатное выражение, – и сюда залез!

– Да. Похожее уже проходило, только с другим содержанием. Ребята работают, точное авторство установим за пару часов.

– Много читают?

– Вовсю. Самая цитируемая публикация.

Виктор Сергеевич наклонился вперед и забарабанил пальцами по столу, как всегда делал в минуты сильного душевного волнения. Взгляд его сразу же стал жестко-колющим.

– Читают, значит... Разберитесь с этим. И поскорее!

Аркадий Львович аккуратно сложил бумаги в папку.

– Разрешите идти?

– Минуту.

Виктор Сергеевич вызвал по селектору референта.

– Слушаю, – немедленно отозвался в динамике подчеркнуто-официальный голос.

– Личные вызовы были?

– Так точно. Восемь звонков от Риммы Владимировны и два от Анны Михайловны.

Началось! Сегодня вечером предстоят минимум два неприятных разговора. Можно, конечно, сказать занятым и остаться на работе или отправиться в служебную резиденцию, тем более что график, действительно, весьма насыщенный, но Виктор Сергеевич, как человек сильный и волевой, считал унижительным скрываться. Ситуация складывалась досадная, несправедливая и потому вдвойне обидная. Этот самый Рудаков уже выпустил несколько ехидных замечаний, но все же не переходил грани, отделяющей жесткую критику от личного оскорбления.

Виктор Сергеевич отключил селектор и решительно сказал:

– Разберитесь!

Аркадий Львович, внимательно наблюдавший за начальником, кивнул и ответил очень серьезно:

– Будьте покойны, непременно разберемся.

Запись 4

*Москва,
Старая Площадь – улица Тверская – Кремль,
Понедельник, 29 июня*

Вдобавок к неожиданным неприятностям у Загорского ужасно разболелась голова. Временами боль вступала в затылок с такой силой, что перед глазами колыхалась желтая пелена, а желудок скручивали сухие спазмы, оставляющие во рту отвратительный кислый привкус. Сопровождавший Виктора Сергеевича пресс-секретарь сразу заметил сумрачно-подавленное состояние шефа и даже рискнул предложить пересмотреть рабочий график. Загорский ответил резким отказом, о чем вскоре пожалел.

На показательном круглом столе Московской мэрии он чуть ли не первый раз в жизни запутался в словах и не смог правильно произнести название известной молодежной организации. После такого конфуза Виктор Сергеевич резко прервал выступление и дальше мрачно слушал бодрые речи будущих политиков. Мероприятие закончилось, и он, не прощаясь, вышел из зала. Охрана ловко отсекала желающих пообщаться энтузиастов, а опытный пресс-секретарь побежал к телевизионщикам давать указания по облагораживанию эфирной картинки.

Утопая в мягких подушках заднего сиденья бронированного лимузина, Загорский размышлял, не позвонить ли ему прямо сейчас Римме и Анечке и не объяснить ли так, на расстоянии. Рассудив, однако, что женская натура все равно потребует излияния эмоций при личной встрече, окончательно решил перенести разговоры на вечер.

Как ни странно, такая отсрочка не только не успокоила, а скорее добавила смятения в мысли. На обеде с китайскими нефтяниками Виктор Сергеевич отрешенно ковырял вилкой утиную грудку под клюквенным соусом и автоматически кивал речам товарищей из Поднебесной, пребывающих в эйфории от подписанных контрактов и вдохновленных комплиментом от принимающей стороны – стопочкой драгоценной женьшеневой настойки.

Сам Виктор Сергеевич, прохладно относившийся к алкоголю, ограничился грейпфрутовым соком с минералкой. Он поднимал бокал, механически улыбался и не обращал внимания на громкий смех распробовавших женьшеневку китайцев. Начальник протокольного отдела, увидев, что шеф не выражает особого желания общаться с гостями, приказал выставить на стол все наличные запасы волшебного напитка. Он же произнес два первых обязательных тоста – «за партию» и «за руководство», после чего китайская делегация практически без паузы приступила к неорганизованным возлияниям.

По окончании обеда Виктор Сергеевич отменил несколько малозначительных аудиенций и рассчитывал некоторое время побыть в одиночестве. Но к несчастью, тут же по спецсвязи позвонил министр обороны и начал нудно разъяснять план совместной с ФСБ операции по ликвидации чьей-то базы в горах Таджикистана. Мало того, что министр сильно шепелявил, он еще крайне плохо умел выражать мысли, отчего разобраться в сути вопроса было решительно невозможно. Обычно Загорский молниеносно вникал в проблему, но в нынешнем состоянии никак не мог уловить смысл. Наконец, Виктор Сергеевич понял, что военные с фээсбэшниками собираются кого-то бомбить и спрашивают его мнения. Он раздраженно сказал, чтобы разбомбили все к чертовой матери и повесил трубку.

Сосредоточиться на работе не получалось. И это было досадно – предстояла очень важная встреча с вице-премьером правительства Воскиным.

Формально Андрей Альбертович Воскин и Загорский находились примерно в одной весовой категории, но их реальные аппаратные и финансовые возможности различались принципиально. Виктор Сергеевич имел предельно доверительные отношения с Президентом,

курировал спецслужбы и неформально контролировал значительную часть бюджета. Зато вице-премьер представлял в России очень и очень серьезных ребят с очень и очень серьезными деньгами. Настолько серьезными, что перед ними весь бюджет выглядел как жалкий кошелек с мелочью. Встреча готовилась давно, а процесс подготовки сопровождался многочисленными согласованиями, взаимными требованиями и уступками. По большому счету, финальная договоренность означала бы создание нового альянса, способного открыть невиданные горизонты, но...

Воскин походил на добродушного старорежимного бухгалтера. Скромный костюм мышиного цвета, узкий галстук, ботинки на толстой подошве, очки в роговой оправе – он вполне гармонично смотрелся бы в очереди за комплексным обедом или в переполненном троллейбусе. И только очень немногие знали, что одно слово этого человека могло запустить или остановить невообразимые для простого смертного финансовые потоки.

Андрей Альбертович говорил тихим голосом, с едва уловимой улыбкой, отчего слова его приобретали особую убедительность. Рядом с вице-премьером сидели, держа наготове блокноты и ручки, консультанты, на лицах которых читалось снисходительная уверенность и блистательное гарвардское образование.

Вначале Виктор Сергеевич довольно удачно поддерживал беседу, сумев даже точно и к месту процитировать Столыпина, но стоило перейти к вопросам практического свойства, то сразу же потерял интерес к разговору. Это особенно стало заметно, когда улыбочивые воскинские консультанты посыпали цифрами и цитатами из готовящегося текста соглашения. В ответ Виктор Сергеевич с отсутствующим видом кивал, будто бы соглашаясь с каждым словом.

Видя разобранное состояние шефа, на помощь ринулись советники – Карл Иммануилович Гофман и Иван Степанович Добрый-Пролёткин.

Карл Иммануилович более всего походил на типичного немца, точнее на образ немца, с Петровских времен укоренившийся в сознании русского человека. Высокий, худой, с гладко выбритым вытянутым лицом и уложенными на пробор волосами, одетый в наглухо застегнутый костюм-тройку, он отличался исключительной педантичностью, столь свойственной немецкому роду. Господин Гофман имел превосходную дикцию и всегда старательно выговаривал слова, что создавало впечатление легкого иностранного акцента. Впечатление, надо сказать, обманчивое: согласно анкетным данным, Карл Иммануилович не владел иностранными языками, за исключением нескольких общеупотребительных фраз. А поскольку анкету многократно и очень внимательно проверяло ведомство компетентное и уважаемое, то сомневаться в этом не было никаких оснований.

Иван Степанович представлял ярчайший контраст своему долговязому коллеге. Маленький, упитанный, румяный, с русыми волосами, стриженными под горшок, он признавал только светлый льняной костюм с обязательной косовороткой. Поговаривали, что несколько лет назад советник носил скрипучие хромовые сапоги, и потребовалось личное вмешательство главы администрации, чтобы заставить его переобуться в ботинки. Но и здесь возобладала русофильская натура господина Доброго-Пролёткина: изготовленные на заказ туфли из крокодиловой кожи имели тиснение в виде узора с петушками.

Стоит задаться вопросом, каким образом такие яркие и незаурядные личности вообще попали на работу в администрацию президента? Увы, есть вопросы, ответы на которые обывателям знать не суждено. Или, по крайней мере, не положено.

Советники немедленно перешли в наступление, выплеснув на воскинских консультантов ответный поток цифр. Гофман говорил быстро, ничуть не смущаясь тем, что собеседники с трудом успевают улавливать смысл его слов, а Добрый-Пролёткин, напротив, изъяснялся медленно и убедительно, четко модулируя голосом наиболее важные моменты. Неожиданная атака привела в оторопь оппонентов, включая самого заматеревшего в переговорных баталиях вице-преьера.

После непродолжительной дискуссии стороны решили перенести принятие окончательного соглашения на месяц ввиду недостаточной проработки вопроса. При этом Воскин бросал такие взгляды на умников-консультантов, что не было никаких сомнений: ребятам скоро предстоит очень нелिцеприятный разговор.

Быстро попрощавшись, вице-премьер оправился восвояси, а советники с двух сторон окружили Загорского и, участливо наклонившись, заговорили, перебивая друг друга:

– Виктор Сергеевич, вы выглядите ужасно, вам просто необходимо показаться доктору...

– Ах, Карл Иммануилович, что вы говорите, какие доктора! Где вы видели нормальных докторов? Залечат, а потом скажут, что так и было. В баньку надо! Немедленно в баньку!

– Это, знаете ли, форменное мракобесие! Состояние здоровья должно постоянно контролироваться специалистами!

– Да ну вас с вашими специалистами! И слово какое придумали «специалист», – Добрый-Пролёткин скривился, показывая высшую степень неодобрения, – как будто это люди какие-то особенные... запомните и своим передайте: баня все лечит! Помните мудрую пословицу: «пар костей не ломит»?

– Что вы, Иван Степанович! При некоторых заболеваниях баня абсолютно противопоказана, даже такая мягкая, как турецкий хаммам. Что же говорить о русской парной?

– Вы ставите врачевание тела выше умиротворенности разума и покоя души! Ошибаетесь, сударь!

– Опять вы о душе! Хочу напомнить, что так называемые «душевные болезни» – явление серьезное и крайне неприятное, и их лечение с помощью бани – настоящее шарлатанство! Я повторяю: любые расстройства и недомогания требуют внимания квалифицированных специалистов!

– Это все ваша слепая вера в так называемых специалистов! Вам знакома статистика врачебных ошибок?

– Но здесь же не районная поликлиника в еврейской, простите, автономной области! Здесь работает лучшая профессура и установлено первоклассное оборудование.

– Ага, вот вы и подняли еврейский вопрос! – возмутился Добрый-Пролёткин. – Даже сейчас не смогли промолчать! Глубоко все-таки в вас, генетическая память засела!

– Помилуйте, Иван Степанович! – Гофман понял, что сказал лишнее и принялся оправдываться. – Я вовсе не в том смысле! Просто привел пример отдаленного региона...

– Знаем мы ваши смыслы! Наплетут сначала, а потом на русских наговорят с три короба. И вообще, что вы так разволновались, вы же немцем пишетесь?!

– Ну, знаете... у вас если Гофман, то обязательно еврей, а если не еврей – то вообще неизвестно что. И вообще, не мы еврейскую тему начали, не мы!

В таком ключе беседа продолжалась несколько минут. Наконец советники пришли к непростому компромиссному решению о том, что начальнику необходим срочный отдых. Виктор Сергеевич, оказавшийся в положении несчастных воскинских консультантов, впал в прострацию, вызвал референта и велел отменить все запланированные на вечер мероприятия.

После ухода Гофмана и Доброго-Пролёткина Виктор Сергеевич еще некоторое время сидел в кресле, размышляя, куда лучше направиться вначале – к жене или подруге сердца. Рассудив, что ночевать все равно придется дома, приказал готовить выезд на Кутузовский, где в прекрасно обставленной пятикомнатной квартире под круглосуточной охраной ФСО проживала умница и красавица Анна Баренцева.

Запись 5

*Москва,
Кутузовский проспект,
Понедельник, 29 июня*

За два года знакомства Виктор Сергеевич научился безошибочно предсказывать Анечкино поведение. Сейчас он ошибся только в одном: несчастная умница и красавица лежала с мокрым полотенцем на лбу не в спальне, а в гостиной на диване. При этом коротенький халатик раскрывал ровно столько, сколько нужно для создания образа прекрасного умирающего лебедя. Не подлежит сомнению, что современная медицина могла бы предложить куда более действенные средства от головной боли, чем холодный компресс, но ни одно из них не выглядело бы столь драматично.

Анечка, не открывая глаз, еле слышно спросила:

– Зачем ты пришел?

Отвечать на этот бессмысленный по сути вопрос необходимости не было, Загорский сел в кресло и стал выслушивать вполне ожидаемые упреки. Однако неожиданно разговор пошел в непредвиденном направлении: у Анечки случилась настоящая истерика, и Виктор Сергеевич попросту не знал, что делать. Кто бы мог подумать, что у этой хрупкой девушки окажутся голосовые связки, достойные примы Большого Театра!

Виктор Сергеевич, будучи не в силах справиться со шквалом женских эмоций, испытывал острейшее чувство унижения и обиды. Как будто это он сам написал проклятую статью!

Когда Анечка немного пришла в себя, беседа приняла совсем неприятный оборот: умница и красавица категорически потребовала определиться, «стать, наконец, мужиком и принять решение». Обычные рассуждения Виктора Сергеевича об особенностях его положения во внимание не принимались, а в качестве примера приводился президент Франции, меняющий жен безо всякого ущерба для имиджа.

Попытки обнять, прижать к груди и погладить по головке на сей раз были отвергнуты с негодованием. Анечка с необыкновенной твердостью заявила, что отныне позволит к себе притронуться только после того, как Виктор Сергеевич объяснится с женой.

Одним словом, заместитель главы администрации президента Российской Федерации Виктор Сергеевич Загорский вышел от любовницы кипящим от обиды и негодования. Он был настолько возбужден, что перед уходом изменил своим принципам и залпом выпил полстакана теплого виски. Все последние неприятности, включая головную боль и недовольство президента, воплотились в образе журналиста Рудакова. Встретить бы мерзавца прямо сейчас и разобраться на месте, жестко, по-мужски. Интересно, что он собой представляет – скорее всего, типичная гламурная паскуда, привыкшая безнаказанно бросаться словами. Явственно привиделось – вот он идет навстречу, останавливается... без лишних слов левой – в печень, и сразу правой – в скривившуюся от боли физиономию!

По пути домой Виктор Сергеевич изо всех сил старался держать себя в руках и не выплеснуть накопившееся раздражение на ребят из охраны.

Запись 6

*Московская область, Одинцовский район,
Коттеджный поселок на 16 километре
Рублево-Успенского шоссе
Понедельник, 29 июня*

После разговора с Анечкой, когда Загорский не смог предугадать ее бурную реакцию, встреча с женой вызывала естественные опасения.

В отличие от Анечки, Римма Владимировна выглядела абсолютно спокойной, что заставляло Виктора Сергеевича нервничать. Однако странное спокойствие супруги тут же разъяснилось: на столе стояла полупустая бутылка коньяка, подаренного во время какого-то визита во Францию. Уникальная, кстати, бутылочка, столетняя. Почему-то не к месту вспомнились слова Анечки о женах французского президента.

Между тем, выглядела Римма Владимировна превосходно, если не сказать неотразимо. Обтягивающее платье, коралловые бусы и антрацитово-черная роза в волосах. Виктору Сергеевичу показалось, что это искусственный цветок-заколка, но долетевший тонкий аромат убедил его в обратном. Между прочим, супруга на десять лет моложе...

– Устал, дорогой? – Римма Владимировна приветливо улыбнулась и картинно поднесла к губам бокал.

Виктор Сергеевич пробормотал что, да, чертовски устал, был тяжелый день, столько встреч...

– Бедный ты мой, – посочувствовала жена, – заработался... а я целый день кино смотрю.

Она взяла со стола пульт и нажала кнопку. На огромном, в полстены, экране замелькали кадры с их последнего отдыха в Испании. Ездили в Марбелью лет восемь-девять назад, очень неплохо провели время.

– А ты ничего, – одобрительно сказала Рима Владимировна, глядя на экранного Виктора Сергеевича, – хотя, сейчас, конечно, уже не то... Как, кстати, дела у твоей? Гремит в прессе на всю страну. Говорят, способная стервочка.

– Римма, перестань...

– Что ты, Витенька, разве я против? Наоборот, очень интересно.

Тут Виктор Сергеевич проявил непростительную слабость, путившись в пространные унижительные объяснения. Римма Владимировна слушала его с легкой насмешливой улыбкой.

– Витюш, – сказала она неожиданно твердым и трезвым голосом, – мне, понимаешь ли, совершенно все равно, как, что и с кем ты делаешь...

– Римма...

– Пожалуйста, не перебивай. Мне совершенно все равно. Я знаю наперечет всех твоих шлюх, меня, Витя, это уже не беспокоит. Но я прошу о двух вещах: впредь избавь меня от общения с этой истеричной девицей. И второе: если ей не хватает ума не высываться, позаботься об этом сам. Я не желаю, слышишь, не желаю, чтобы твое имя связывали с этой особой. Не желаю, чтобы в меня тыкали пальцами. Договорились?

Виктор Сергеевич начал было снова оправдываться, но Римма Владимировна неторопливо встала из-за стола, по-кошачьи грациозно потянулась, отчего стало видно, что под платьем совсем ничего не надето, и неторопливо направилась по лестнице на второй этаж – в спальню. Перед тем как закрыть за собой дверь она повернулась и совершенно спокойно сказала:

– Я очень надеюсь, что ты сумеешь найти правильное решение. Ты же у меня умница, правда?

Дверь закрылась, и металлически щелкнул замок.

Виктор Сергеевич опустился в кресло и некоторое время оставался неподвижным. Вот что значит порода! Должно быть, дала себя знать кровь кого-то из недострелянных в революцию предков благородного происхождения. Затем достал телефон и вызвал Колушевского.

– Выяснили?

– Так точно. Нет сомнения, это Рудаков. Сначала разместил на портале...

– Это не важно. Разберитесь немедленно.

– Слушаюсь.

Виктор Сергеевич бросил телефон на стол, опустился на кресло, закрыл глаза и сжал голову руками, пытаясь сдержать рвущуюся наружу боль.

Глава II. Бойтесь решительных кроликов!

Запись 7

*Москва,
Профсоюзная улица,
Воскресенье, 5 июля*

Бывший физик-ядерщик, кандидат физико-математических наук, а ныне переводчик с английского и французского Артемий Рудаков в компании старого друга Ваньки Кухмийстера и директора издательского дома «Новь-КреатиФФ» Иосифа Давидовича Дискина употреблял на кухне собственной квартиры холодную водку с маринованными помидорчиками.

Ванька имел внушительные размеры, грозный вид и громоподобный голос. В трезвом состоянии он был человеком спокойным и даже обходительным, но после определенной дозы спиртного резко менялся. Увы, добродушный здоровяк быстро превращался в неуправляемого хулигана. По неизвестной причине Ванька с пеной у рта начинал доказывать, что служил в очень специальном спецназе и поубивал такое немыслимое количество врагов, что до сих пор не может отмыть кровь с рук. В доказательство всем желающим демонстрировались ладони размером с совковую лопату и предлагалось внимательно приглядеться.

Некоторые впечатлительные особы действительно принимали Ванькины излияния за чистую монету, но Рудаков-то прекрасно знал, что его приятель после отчисления из института за пьянство проходил срочную службу во вполне обычных железнодорожных войсках. Скорее всего, имел место классический случай замещения реальности – человек настолько хотел чувствовать себя героической личностью, что начинал верить в истинность собственных фантазий. Ведь младший сержант железнодорожных войск Кухмийстеров совершенно искренне отмечал День Десантника в Парке Горького и считался одним из самых заметных персонажей в сообществе ветеранов спецназа.

Непосредственный начальник Рудакова господин Дискин не был осведомлен о сложных отношениях Ивана с алкоголем и с беспокойством слушал его откровения. Директор издательства любил иногда так запросто, без звонка, заскочить к кому-нибудь из подчиненных и пропустить рюмочку-другую, но на несчастье, в этот раз к скромному переводчику уже заскочил старый товарищ.

Почувствовав живую реакцию собеседника, Ванька наращивал градус повествования, добавляя крайне живописные подробности. Слушая историю о кровавом рейде по джунглям Конго, Иосиф Давидович невольно содрогался, ясно представляя, как этот страшный человек голыми руками изо щерно расправляется с взводом американских морских котиков. Зловеще усмехаясь, Ванька поведал, что именно поэтому его не пускают в Америку. По крайней мере, одно из этих утверждений было чистой правдой: в прошлом году он явился за визой в американское посольство навеселе, и, естественно, получил обидный отказ.

Позабавившись довольно натуральным испугом начальника, Рудаков все-таки пришел ему на помощь. В конце концов, Ванька, похоже, слишком вошел в роль, и с высокой вероятностью сейчас должен начаться острый приступ антисемитизма, и характерный профиль Дискина вполне мог пострадать.

– Так, ребята! – Рудаков хлопнул в ладоши и разлил водку. – По последней – и гулять!

Ванька остановился на полуслове, с сожалением вздохнул, махнул стопку, сморщился, словно проглотил живую лягушку, залез вилкой в банку, подцеаил помидор, и тяжело поднялся, опираясь о стол.

– П-п-пошли.

– Да, да, конечно, – заторопился Дискин, – мне уже пора. Время, знаете ли...

В этот момент на кухню заглянула Наташа. Увидев жену, Рудаков весело поднял стопку, Дискин замер с открытым ртом, а Кухмистеров поперхнулся помидорчиком и отчаянно закашлялся.

Сказать про Наташу, что она красивая – это все равно как описать «Джоконду» словами «ничего картинка». Наташа – сногшибательна и обворожительна. Почему-то ее считают блондинкой, хотя, если положить руку на сердце, то даже темно-русой назвать нельзя. Возможно, это все из-за белой кожи и легкого румянца, столь характерных для натуральных блондинов. Она относилась к той категории женщин, на которых не оборачиваются на улице, но стоит пообщаться пару минут – и все, собеседник начинает терять голову.

– Твое здоровье, дорогая! – бодро воскликнул Рудаков.

– Здоровье? – улыбнулась Наташа. – Мое-то в порядке, а что с тобой завтра будет!

Действительно, сидели уже долго, и грозное дыхание похмелья ощущалось совсем явственно. Рудаков едва пригубил водку и поставил рюмку.

– Все, ребята, двинули!

Троица прошествовала в прихожую под насмешливым взглядом Наташи.

– Мое почтение, Наталья Владимировна, – слюбезничал Дискин, за что получил благосклонный кивок.

– Натаха, – Ванька полез обниматься, но был отвергнут.

Некогда, увидев Наташу первый раз, Кухмистеров попытался за ней приударить, однако встретил решительный и бесповоротный отказ. С тех пор, общаясь с Рудаковым, делал вид, что отказался от девушки ради друга. Со стороны это было очень заметно, и Наташа за глаза над ним хихикала.

Остывающий асфальт исправно отдавал тепло в атмосферу, и июльский воздух колыхался дрожащим маревом. Кухмистеров вальяжно остановил такси, ввалился на заднее сиденье, и, будучи уже не в состоянии говорить, помахал на прощанье рукой.

Иосиф Давидович вежливо поклонился в ответ, а когда машина уехала, печально сказал:

– Очень жаль, Артемий, что вы тратите драгоценное время на подобных субъектов.

– Положим, сейчас я тратил время не только на него, – усмехнулся Рудаков.

– Как ни прискорбно, я имел в виду и себя, – вздохнул Дискин.

Тут Рудаков не нашел, что ответить, а директор продолжал:

– Знаете, Артемий, а я ведь зашел к вам, чтобы серьезно поговорить...

– Последний раз мы серьезно говорили сегодня в шестнадцать тридцать на планерке. Впрочем, мы можем продолжить беседу. В холодильнике кое-что осталось.

– Я вовсе не об этом... Хотел сказать вам... Предложить, если можно так выразиться... Словом, бросайте к чертовой матери переводы. Заканчивайте размениваться на ерунду!

– Вам не нравится... – начал было Рудаков, но Дискин протестующе замахал руками.

– Нет, что вы, ваши работы прекрасны, но... стоит ли посылать атомную подлодку ловить пескарей?

– Простите?

– Артемий, пишите свое! Заканчивайте с этим интернетом, поработайте серьезно. Простатривал ваши рассказы – они великолепны! А вы – ленивы. Это нехорошо. Напишите что-нибудь стоящее. Обещаю – издам! А вы знаете, что я свои обещания выполняю...

Рудаков с сомнением посмотрел на директора, пытаясь вспомнить примеры показательной честности. Похоже, что проблема замещения реальности оказывается заразной.

– Обещаю – напишу!

С этими словами Рудаков затолкал Дискина в остановившееся такси и направился домой. И чего вдруг у начальства возник такой душевный порыв? А что, забавно было бы посидеть

месячишко-другой и наваять нетленку. К тому же Наташка пилит – хочется ей, понимаешь, стать женой великого писателя. Чтобы пальцами показывали – вон, идет Наталья Воробьева, супруга того самого Рудакова. Того самого?! Да что вы говорите! А посмотрите, какой у нее чудесный наряд и грациозная походка!

Рудаков, представив картинку, рассмеялся, помотал головой и в прекрасном настроении направился к дому. Панельная девятиэтажка дружелюбно улыбалась освещенными окнами.

В десяти шагах от подъезда его остановил негромкий отклик.

– Артемий? Рудаков?

Рудаков, улыбаясь, обернулся, ожидая увидеть знакомое лицо...

Запись 8

*Москва,
Старая Площадь,
Вторник, 7 июля*

Несмотря на исключительную важность сообщаемых сведений, Виктор Сергеевич слушал доклад Колушевского рассеянно, и, казалось бы, без особого интереса. Назревали большие события, и подготовка к ним занимала умы высокого руководства. Кто-то, пытаясь максимально укрепить позиции, проводил интенсивные переговоры, а кто-то, наоборот, занялся срочным выводом активов.

Колушевский, наконец, замолчал и принял заинтересованно-внимательный вид – с ручкой наготове, преданными глазами, приподнятыми бровями и слегка вытянутой шеей.

– У вас все? – спросил Загорский.

– Так точно.

– Да? А как же насчет этого?

Виктор Сергеевич наклонился к экрану ноутбука.

– Вот, полюбуйтесь, пожалуйста, – он прищурился, вчитываясь в мелкий текст, – прошло по «Интерфаксу»... «Новое зверское нападение в Москве»... та-ак, дальше... русская служба Си-Эн-Эн... «Популярный блоггер и журналист Рудаков находится в коме после нападения неизвестных. По неподтвержденным данным, один из нападавших задержан»... Примерно то же самое в ИТАР-ТАСС, я не говорю про всякую мелочь. Это, по вашему мнению, не важно?

– Простите, Виктор Сергеевич, – с достоинством ответил Аркадий Львович, – я посчитал этот вопрос сугубо техническим.

– Нет, это не технический вопрос. Вы прекрасно понимаете, что немедленно возникнут ненужные ассоциации с Анной Владимировной и даже со мной. В сегодняшней ситуации это просто недопустимо. И потом, я совершенно не понимаю ваших действий... если, конечно, это не простое совпадение.

– Нет, это не совпадение. Я получил указание разобраться...

– Бог мой, – болезненно сморщился Виктор Сергеевич, словно ощутил приступ зубной боли, – неужели разбираться можно только так? Если бы я хотел ему начистить рыло, то сделал бы все сам! Слово «разобраться» имеет множество других значений, кроме примитивного удара по голове.

– Простите, Виктор Сергеевич, – спокойно сказал Колушевский, – это моя ошибка.

– Это понятно. Доложите, что произошло.

Аркадий Львович секунду помедлил, собираясь с мыслями, и начал доклад. Конечно, же, никто не собирался калечить Рудакова и даже применять избыточную силу. Просто договорились в качестве одного из инструментов использовать убедительную беседу «по душам». Именно для особой убедительности Колушевский задействовал ребят Абдусаламова...

Виктор Сергеевич удручено покачал головой.

Султан Маратович Абдусаламов был одним из немногих людей, к которым Загорский относился с опаской. Что делать, если человек не боится ни Бога, ни черта, и по большому счету не признает никаких законов, кроме противоречивых правил, составляющих его эклектичное мировоззрение. Он признавал власть президента как неизбежное зло, понимая, что это – представитель силы, с которой нужно договариваться. Загорского уважал, если здесь вообще применимо такое слово, исключительно за личное мужество, проявленное во время чеченской

кампании. Тогда Виктор Сергеевич в одиночку пришел в штаб авторитетного полевого командира Абдусаламова и передал ему личное послание президента...

Привлечение головорезов Султана Маратовича для решения вопросов, вышедших в публичную плоскость, было непростительной ошибкой.

– Одну минуточку! – Виктор Сергеевич взгляделся в текст на экране компьютера. – «Один из нападавших задержан». Это что?

– Понимаете, – замялся Колушевский, – все пошло нештатно. Ребята должны были просто подойти и серьезно, с напором поговорить. На завтра прошлись бы по рабочей линии, по супруге, уже просматривали перспективу уголовных дел... словом через пару дней клиент полностью готов к употреблению. Но он, – Аркадий Львович в последний момент удержался, чтобы вместо «он» не произнести нечто более сильное, – после первых слов без разговоров схватил урну и с размаху по голове... Ребята, соответственно, не выдержали. Так это еще не все. Он одному практически откусил ухо...

– Ухо?

– Да. Проезжали дэпээсники, султановы хлопцы и им накидали, те стрелять из автоматов. Словом, разбежались, взяли фрагменты уха и одного целиком, это которого урной... Безобразие, кстати говоря, сколько ставили вопрос на антитеррористической комиссии, чтобы урны намертво к земле...

– Хорошо, – очень серьезно сказал Загорский, – мэр Москвы ответит вместе с вами. Где сейчас Султанов человек?

– В Склифе под охраной. Рудаков – в обычной городской.

– Охрана?

– Ему-то зачем? От Султана защищать?

– Да, смешно... Что Султан?

– Грозится лично перерезать глотку Рудакову. Его людей трогать нельзя.

– Ладно, с ним я поговорю. С МВД связались?

– Конечно.

– Хорошо.

– Только... – неуверенно сказал Колушевский.

– Что такое?

– Министр отказывается сотрудничать.

– Как так?

– Вот так. Приказал довести до конца. Сегодня, по нашим сведениям, готовит пресс-конференцию.

Виктор Сергеевич задумался. Это очень даже неприятный сигнал. Похоже, что министр МВД окончательно определился с союзниками и готов идти на конфликт. Не хватало только свары полиции с боевиками Абдусаламова. Все закончится тем, что вмешается президент, и тогда полетят головы. Стрельба в Москве – слишком большая тема. А кто истинный инициатор конфликта – ясно уже всем. Нужно принимать срочные меры.

– Ваши предложения?

– Договариваться с МВД. Непросто, но, думаю, договоримся. Скорее всего, будут условия.

Кто бы сомневался! Плевал министр на контуженного Султанова горца. Война идет за место заместителя генерального прокурора, а в перспективе и за самого генерального.

– Ладно, – буркнул Виктор Сергеевич, – будем договариваться. В одиннадцать ноль-ноль – совещание. Вызовите Гофмана и Доброго-Пролёткина.

Запись 9

*Москва
Старая Площадь
Вторник, 7 июля*

За несколько минут до начала совещания позвонил начальник охраны и попросил об аудиенции.

Подполковник Егор Соломонов уже восемь лет работал с Загорским и пользовался его абсолютным доверием. Если необходима срочная встреча – значит информация серьезная.

– Разрешите?

– Заходи, садись.

Егор сел напротив Виктора Сергеевича и сразу перешел к делу. Загорскому всегда imponировали четкость и невозмутимость Соломонова. Очень многих неприятностей удалось избежать благодаря его поистине сверхъестественному чутью прирожденного телохранителя. Хотя внешне не скажешь – походил он скорее на интеллигентного профессора-гуманитария, чем на кадрового сотрудника ФСО.

– Обязан проинформировать. Начальник смены доложил, что Римма Владимировна ночью выехала в отель Ритц на Тверской, там встретилась с мужчиной примерно тридцати лет, ранее не попадавшим в поле зрения, после чего поднялась с ним в триста шестой номер, где провела ночь. Домой вернулась около шести тридцати утра.

Виктор Сергеевич глубоко вздохнул и распустил туго затянутый узел галстука. От выброса адреналина зазвенело в ушах, и перехватило горло, так что стало трудно говорить.

– П-п-почему не доложили? – прохрипел он, не узнавая собственного голоса.

– Виноват. Начальник смены по инструкции обязан докладывать мне, что он и исполнил. Когда я узнал, вы уже были заняты. Нашел окно и докладываю.

Загорский отчетливо вспомнил, как Римма была одета вечером, как себя вела и как выглядела – невероятно соблазнительно. А ведь думал, что это обычная женская уловка – показать превосходство над соперницей... Значит, пока он подыхал от головной боли, супруга неплохо проводила время...

– Какие будут указания?

– Никаких, – сумрачно сказал Загорский, – свободен.

– Слушаюсь.

Оставшись один, Виктор Сергеевич некоторое время сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, затем вызвал по селектору референта.

– Прошу всех в кабинет, совещание начинается.

Запись 10

*Москва
Старая Площадь
Вторник, 7 июля*

Чем дальше шло обсуждение, тем яснее становилось серьезность ситуации. Более того, интуиция подсказывала Виктору Сергеевичу, что произошедшее не было случайностью, а интуиции он привык доверять. С другой стороны, последовательность событий никак не укладывалась в картину спланированной спецоперации. Именно эта двойственность вызывала особое беспокойство.

Колушевский высказал несколько предложений, но все они носили технический характер и не могли решить главную проблему: необходимость договариваться с перспективой серьезных уступок.

– Та-ак, – сказал Загорский, – я понимаю, Аркадий Львович, что ситуация в тупике. И времени у нас ровно до приезда Султана в Москву. Так?

– Так.

– А дальше – поднимется заваруха. Со всеми вытекающими. Стало быть, придется идти на поклон к министру. Так, господа советники?

Гофман покачал головой и улыбнулся одними губами, притом, что глаза оставались серьезными.

– Не совсем.

– Совершенно верно, все не настолько печально, – подхватил Добрый-Пролёткин.

– Подробнее! – потребовал Виктор Сергеевич.

– Охотно! – хором сказали советники, да так ладно, словно они долго репетировали.

И тут приключилось нечто странное и необъяснимое, чего сильный и, если хотите, материальный с ног до головы Загорский представить не мог. Почудилось ему, что стены кабинета разъехались и оплыли серым камнем, потолок взлетел на невообразимую высоту, оброс колоннами и превратился в готический свод, а паркет сморщился, потускнел и рассыпался мелкой пылью по гранитным плитам. Вместо шкафа с картинно выставленной энциклопедией Брокгауза и Ефрона из пола вытянулся большущий камин с потрескивающими углями. Портреты деятелей российской истории сменились изображениями незнакомых дам и кавалеров, а развернувшиеся по стенам ковры украсились мечами, топорами и еще Бог знает каким грозным боевым железом.

Не менее удивительные изменения затронули советников. Гофман лишился своего вечного костюма-тройки, зато приобрел доспехи из черного металла. Можно поклясться, что это не какой-нибудь пластик или иная бутафория, нет, с первого взгляда ясно – латы настоящие, боевые, знакомые с ударами вражеских клинков. Длинное немецкое лицо более не смотрелось карикатурно серьезным, а выглядело сурово и даже величественно. Меч в пурпурных ножнах на поясе представлялся оружием смертоносным и умелым.

Что касается Ивана Степановича Доброго-Пролёткина, то он не потерял показательно-русофильского облика, зато в дополнение к нему приобрел греческую снежно-белую тунику и кожаные сандалии.

Наваждение было кратким, подобно фотографической вспышке, но все детали его, даже малейшие, с ясностью запечатлелись в памяти. Все приняло прежний вид. Виктор Сергеевич помотал головой, приходя в себя, и уставился на советников. Те заговорили, как ни в чем не бывало, по обычной привычке перебивая друг друга.

– Любая проблема имеет решение! – заявил Гофман.

– Наилучшее решение, – подтвердил Добрый-Пролёткин.

– И очень надежное!

– Вы увидите – превосходное!

Загорский решительно остановил словоизлияние.

– Стоп! Что конкретно предлагаете?

На этот раз Гофман сказал медленно и убедительно:

– Все очень просто. Я готов решить вашу проблему.

– Я тоже, – без тени улыбки добавил Добрый-Пролёткин.

Гофман, соглашаясь, кивнул.

– Да, это так, каждый из нас способен сделать это.

– Так сделайте! Ваши предложения? Четко и конкретно!

– Четко и конкретно сообщаю, – ответил Карл Иммануилович, – мы сразу же представим подробнейший план действий, который вы, уважаемый Виктор Сергеевич, несомненно, одобрите. Более того, вы получите еще массу дополнительных преимуществ.

– О чем вы? – спросил Виктор Сергеевич, никак не ожидавший странной речи, странной настолько, что привыкший ко всему Колушевский слушал, раскрыв от изумления рот.

– Немного терпения, прошу вас! К сожалению, мы ограничены, так сказать, в возможности совместной деятельности с Иваном Степановичем.

– Только один из нас сможет заняться этим вопросом, – подтвердил Добрый-Пролёткин.

Виктор Сергеевич был несказанно удивлен. Казалось бы, что может тронуть его после видения готического зала, так нет, впервые в управленческой практике подчиненный так запросто ставит условия выполнения прямого указания! Даже если это указание столь интимного характера. Гофман же спокойно продолжал:

– Вам нужно всего лишь выбрать исполнителя. Посмотрите, взвесьте все «за» и «против» и решите, кто из нас более достоин доверия.

Как ни странно, Загорский без возражений принял правила игры. Возможно, на него подействовал напор советников и необычные повелительные интонации, прозвучавшие в голосе Гофмана. Карл Иммануилович был убедителен настолько, что Колушевский встал и замер, приняв стойку «смирно».

– Выберите меня! – воскликнул Добрый-Пролёткин, – Поверьте – нынешние проблемы покажутся смешными! Вы узнаете, что такое настоящее, незамутненное всякими глупостями счастье!

– Не ошибитесь! – перебил его Гофман. – Вы даже не представляете, какого могущества сможете достичь с моей помощью! Всего лишь короткое «да» – и весь мир у ваших ног!

– Ерунда! Если есть счастье – зачем нужен этот ваш мир?!

Виктор Сергеевич поочередно оглядывал советников, словно хотел прочитать их мысли. Неожиданно в голову пришла поразительная и даже безумная мысль – будто сейчас принимается самое главное решение в жизни. Опустив голову, он вдруг обнаружил, что быстро рисует на листе бумаги кресты и звезды, звезды – слева, кресты – справа.

– А чем, интересно, чем грозит неправильный выбор?

– Ровно тем же, что и правильный, – загадочно сказал Гофман.

– Представьте себе, – Добрый-Пролёткин говорил, подкрепляя слова размашистыми жестами, – вы идете по улице, останавливаетесь и раздумываете, куда пойти, налево или направо. Идете, скажем, направо, вам падает кирпич на голову, вы попадаете в больницу. Лежите под капельницей и думаете, что ошиблись – надо было повернуть в другую сторону. Но вы же не знаете, что могло бы случиться там – вас могла, например, переехать машина и пришлось бы лежать не в больнице, а на кладбище.

Виктор Сергеевич ровно ничего не понял и задумался. С одной стороны, Гофман смотрится весьма убедительно, но образ темного рыцаря в видении вызывал беспокойство. Было

в нем что-то отталкивающее. Красивое, конечно, но... Добрый-Пролёткин не выглядел сильным, однако обладал необъяснимой внутренней притягательностью. С таким хорошо скоротать вечер за рюмкой коньяка и душевными разговорами.

– Иван Степанович! – решительно сказал Загорский. – Прошу вас представить план действий.

– Благодарю, – с достоинством поклонился Добрый-Пролёткин, – признаюсь, не ожидал. Мне казалось, что вы уже давно... отдали предпочтение Карлу Иммануиловичу.

– Что с вами сегодня? – сердито спросил Виктор Сергеевич. – Никому я ничего не отдавал, и теперь прошу приступить, наконец, к работе!

– Еще как отдавали! Все делают выбор, но не все об этом знают.

– Ну, что же, – саркастически заявил Гофман, – здесь вы меня обошли. Поздравляю. Только как, любезный Иван Степанович, вы собираетесь решать вопросы с МВД. Там, да будет вам известно, все больше наши люди.

– Наслышан... А мы их святой водичкой.

– Фу, как пошло! Какое-то мракобесие!

– Мракобесие, а работает.

Виктор Сергеевич полностью пришел в себя и в изумлении оглядел всех присутствующих. Что же такое происходит? Рабочее совещание превратилось в какой-то безобразный балаган, Колушевский сидит, выпучив глаза, а клоуны-советники совсем распоясались...

– А вот и план мероприятий, – Иван Степанович привстал и передал Загорскому тонкую папку.

Виктор Сергеевич, уже открывший рот для гневной отповеди, поперхнулся, закашлялся, потерянно посмотрел на Доброго-Пролёткина и принялся изучать бумаги.

Глава III. Реальности московского коматоза

Запись 11

*Москва
Улица Дмитрия Ульянова
Ночь с воскресенья на понедельник,
5—6 июля*

За несколько часов Наташа постарела и осунулась. Мутное зеркало над капающим ручьём мойником показывало безрадостную картину: вокруг глаз расплылись отвратительные синяки, на кожу выползли предательские морщинки, а волосы повисли безжизненными масляными сосульками. Наташа сполоснула лицо холодной водой и вернулась в приемный покой.

Она не представляла, что и как устроено в больнице. Seriously болеть довелось однажды – ей тогда было четыре года, и в отрывочных воспоминаниях остались лишь добродушный врач и тряпичный одноглазый заяц с синим инвентарным номером на ухе. Навещать тоже приходилось не слишком часто. Родителей Бог миловал, а к подружкам в основном ходила в роддом. Из фильмов о жизни медиков следовало, что к подъехавшей скорой должны немедленно выбежать санитары, подхватить несчастного больного и на каталке, бегом, везти в чистую палату, где уже ждут хирурги в масках и мигают сложные приборы.

Первый шок случился, когда в приемном покое почти час никто не подходил, затем появилась толстая тетка в зеленом халате, равнодушно посмотрела на Рудакова, что-то записала в толстой тетради и исчезла как приведение.

Тёма стал дышать хрипло и прерывисто, беззвучно шевеля губами. Наташа испугалась, выбежала в коридор, схватила за руку проходящего человека, по виду врача, и чуть не силой потащила за собой. Он сначала упирался, но, увидев состояние раненого, закричал так, что моментально сбежались перепуганные санитары, засуетились, в момент погрузили Тёму на каталку и увезли так быстро, что опешившая Наташа попросту не успела за ними. В результате потом металась по коридорам, разыскивая мужа, пока какая-то бдительная санитарка не заметила ее и не выгнала из лечебного корпуса.

В холле Наташа стояла у окна, не зная, что делать дальше. Она понимала: сейчас к Рудакову не пустят, но уходить было как-то стыдно: уйти – значит бросить беспомощного человека. Вредная привычка анализировать собственные мысли и действия помогла посмотреть на себя со стороны. Очнись! Тоже мне, кисейная барышня! Можно подумать, не знала, что происходит в этой проклятой реальности! Легче всего рисовать в воображении идеальную картину, а потом рыдать в уголочке, когда она рассыпается в пыль.

Больше всего в больнице поразило приземленно-циничное отношение к человеческой жизни, естественное для медиков и, например, военных, но чуждое всем остальным. Точная и страшная табличка «Выдача трупов производится с 10 до 17 часов» по-настоящему испугала. Наташа принялась звонить маме, но трубка отвечала длинными гудками – Светлана Тихоновна принципиально не вела телефонных разговоров после шести.

Впрочем, даже если представить, что случится чудо, и беседа все-таки состоится, то ожидать сочувствия не приходилось. «Я же тебя предупреждала! Тебе уже тридцать лет, ты пока красавица, но еще немного, никого нормального найти не сможешь...» Захотелось плакать, и Наташа запрокинула голову назад, чтобы сдержать слезы. Сколько раз приходилось такое слышать... во-первых, вовсе не тридцать лет, а только двадцать восемь. И сколько раз отвечала:

ну и пусть муж на шесть лет старше, это не имеет значения, зато он – Рудаков. Понимаешь, мама: Ру-да-ков. Не понимаешь? Жалко...

Народу в холле почти не было – пожилая женщина с застывшим серым лицом сидела на скамейке, а у входа тихо переговаривались два азиата, корейца или китайца, одетых, несмотря на летнюю жару, в длинные кожаные куртки. Тусклые гудящие светильники бросали мутные блики на грязно-зеленые стены, где с глянцевых плакатов румяные доктора советовали натирать ноги каким-то снадобьем из красочного тюбика, глотать пилюлю от сердца и повышать потенцию с помощью экзотической штуки из неизвестных науке водорослей.

Наташа почувствовала, что нестерпимо хочет спать. Накопившаяся усталость и переживания внезапно накрыли ее сладкой сонной волной, ноги стали ватными, а глаза закрывались сами собой. Чтобы не упасть, пришлось прислониться к стене. И в этот момент свет неровно мигающей лампы сгустился, потек и превратился в невысокого человека в холщовых штанах, сапогах и длинной косоворотке, подпоясанной простой веревкой. Наташа помотала головой, отгоняя наваждение. Галлюцинаций еще не хватало! И действительно, человек исчез.

– Вы кого-то ждете?

Наташа обернулась. Ага, понятно, кого она приняла за галлюцинацию. Добрый доктор. Такой, каким должен быть настоящий врач – румяный, улыбающийся, с голубыми глазами, в идеально белом халате и шапочке с огромным красным крестом. Только почему-то из нагрудного кармана выглядывала древняя слуховая трубочка, вполне подходящая эскулапу девятнадцатого века, но никак не современному медику.

– Я... – растерялась Наташа. – Я к мужу... Рудаков его фамилия. А моя – Воробьева.

– Милая девушка, – ласково сказал врач, – вы ему сейчас ничем не поможете. Куда же вы все так рветесь – как будто без вашего присутствия и болеть нельзя! Идите домой, отдохните, и приходите завтра. А еще лучше послезавтра. Зачем же вы себя сейчас так утруждаете? Справку можно получить и по телефону. А посещения еще долго не разрешат!

– Простите, – растерялась Наташа, – я хотела передать вещи...

Она протянула наскоро собранную сумку.

Доктор решительно взял ее под локоть.

– Нет. Будьте уверены, он всем обеспечен, у нас прекрасные условия!

Наташа задумалась. Она не хотела оставлять Рудакова одного, но доктор был так убедителен...

– Не слушай его, дочка!

Неизвестно откуда появившийся пенсионер ввинтился между Наташей и доктором и, выпятив грудь, громко возмутился:

– Да что же это такое, граждане, происходит! Людей уже из больницы гонюют! Какие еще условия! Знаем мы эти условия! Сказки тут рассказывает! Не слушай его, девочка, не оставляй своего, а то так залечат, что и по кусочкам не соберешь! Они могут!

Выглядел этот пенсионер довольно странно: длинный и худой, в старом костюме с брюками, позволяющими видеть зеленые носочки, и ботинках на толстой подошве. На пиджаке красовалась октябрятская звездочка советских времен.

Доктор был обескуражен таким неожиданным отпором.

– Мне кажется, вы врете не в свое дело!

– Не в свое?! Милейший, мне до всего есть дело! Думаете, некому вам указать? Напрасно! Зачем вводите в заблуждение?

– В заблуждение?! – возмущенно воскликнул доктор, но его добрые глаза подозрительно забегали.

– И не пытайтесь отпираться! Врать-то вы, сударь, не умеете!

Наташа с удивительным спокойствием слушала нелепую перепалку. Отстраненно подумала, что, наверное, именно так и сходят с ума. Подумала – и испугалась, изо всех сил зажму-

рилась и закрыла лицо ладонями. Разговор моментально прекратился. Когда, постояв так несколько секунд, она открыла глаза, рядом никого не было.

«Все-таки, галлюцинация» – успела подумать Наташа, перед тем как потерять сознание. Последнее, что она увидела – это бегущего огромного Ваньку Кухмийстерова с пластиковыми пакетами в обеих руках.

Запись 12

Москва

Улица Дмитрия Ульянова

Раннее утро понедельника, 6 июля

Таланты Ивана Кухмийстерова не ограничивались буйной фантазией. Наташа внезапно обнаружила, как же это здорово иметь рядом мужчину, способного легко справиться с проблемой, только что казавшейся неразрешимой. Размахивая каким-то удостоверением в красной обложке, Ванька не просто прошел мимо неприступного вахтера, но и устроил ему выволочку по поводу невежливого обращения с посетителями.

– Ты хоть знаешь, кто перед тобой? – гремел Кухмийстеров, показывая на Наташу.

И настолько убедительными был его вид, что охранник – здоровенный детина в черной форме с желтой надписью «Служба безопасности» на спине лишь разводил руками и неуклюже пытался оправдываться. Но Иван, из которого еще не выветрились результаты вечерних возлияний, был непреклонен.

– Моли Бога, чтобы я о тебе не вспомнил, – бросил он через плечо, схватил Наташу за руку и потащил за собой. Обескураженный охранник посмотрел им вслед и махнул рукой: а ну к лешему, за эти деньги и так сутки на ногах, а тут еще неприятности на ровном месте!

Кухмийстеров уверенно, словно наизусть зная план больницы, добрался до кабинета дежурного врача. Доктор, казавшийся совсем молодым и зеленым, пил чай из стакана с подстаканником. Сосредоточенная задумчивость наводила на мысль, что потреблял он не только чай. На стене кабинета висела популярная среди чиновников средней руки фотография, на которой президент, косясь на камеру, тискал очень серьезного мальчика лет семи-восьми. Под фотографией на доске были приколоты рентгеновские снимки, словно результаты медосмотра участников фотосессии.

Тут Ванькино обаяние оказалось бессильным. Дежурный врач привык к скандальным посетителям, и произвести впечатление напором и громким голосом было невозможно. Тем не менее, он сообщил, что для Рудакова сделано все необходимое, операция не потребовалась, и больной переведен в палату интенсивной терапии, где сейчас и находится.

В этот момент зазвонил телефон. Доктор поднял трубку, и стало слышно, как женский голос быстро говорит что-то неразборчивое.

– Да... Да... Доставили... Нет, прогнозы мы не даем... К сожалению, не могу... Без комментариев, – дежурный врач резко прервал разговор и заинтересованно посмотрел на Наташу.

– А ваш Рудаков – кто он?

– Известный журналист, – поспешил сообщить Кухмийстеров.

– Та-ак... полагаю, нам следует готовиться к визитам его коллег.

– Конечно.

Наташа решила, что теперь-то к ним отнесутся по-другому, но не тут-то было. Доктор куда-то позвонил, велел усилить охрану, а всех посторонних гнать прочь без разговоров. При этом он посмотрел так выразительно, что Наташа отступила на шаг.

Кухмийстеров ничуть не смутился и вступил в препирательства. Иван отчаянно жестикулировал и совал красную корочку, настоятельно предлагая внимательно почитать. Доктор прочитал и заявил, что сам нарисует таких десятков, и что плевать хотел на все эти липовые организации, и вообще сейчас ночь, а по ночам здесь не то что свиданий не случается, а даже комары не летают. А если некоторые и летают, то их моментально прихлопывают. В ответ Кухмийстеров пригрозил немедленным прибытием съемочных групп центральных телеканалов, усиленных мобильной бригадой истеричек из самых скандальных обществ по защите всяче-

ских прав. Тут доктор заколебался, а услышав о подходе зарубежной прессы с частями «Грин-писа», не выдержал, вызвал санитарку и велел по-тихому провести настырных посетителей к Рудакову, взяв страшную клятву соблюдать тишину.

То, что дежурный врач назвал палатой, произвело на Наташу убийственное впечатление. В большой темной комнате спало два десятка человек, и у каждого – свое страдание, своя болезнь. А у болезни есть запах... Запах, многократно усиленный наглухо закупоренными окнами и ароматами больничной кухни, имел такую силу, что у непривычного человека голова шла кругом. Вступив на порог черной комнаты, Наташа отшатнулась от удара спрессованной духоты.

Ничуть не заботясь о тишине, заспанная злая санитарка объявила, что сюда «кладут» всех неопознанных. И слово-то какое «неопознанных», словно не о людях говорит, а о трупах. Тех самых, которые выдают с десяти до семнадцати.

Все случившееся затем запомнилась Наташе яркими отрывками, словно кто-то показывал фильм на очень большой скорости, иногда делая стоп-кадры. Наверное, именно это можно назвать истерикой.

...испуганное лицо санитарки с неестественно ярко накрашенными бардовыми губами...

...Кухмийстеров, пытающийся ухватить Наташу за руки...

...включившийся в палате свет освещает костлявого бородатого старика в серой длинной майке. Он сидит на кровати, смотрит черными блестящими глазами и улыбается, обнажая кривые желтые зубы...

Закончилось все выплеснутым в лицо стаканом воды. Как оказалось, даже истерика может иметь свои преимущества. На Наташин визг мигом прибежал перепуганный дежурный врач. Оказалось, он даже не догадывался, что Рудакова поместили в «общую».

Иван мгновенно оценил ситуацию и развил бурную деятельность, в результате которой Рудаков оказался в отдельной комфортабельной палате, оборудованной не хуже люксового гостиничного номера.

Устроив все наилучшим образом, Кухмийстеров посчитал свою миссию выполненной и исчез.

А Наташа даже не заметила его ухода. Стоя у койки, она смотрела на безмятежно спящего Рудакова. Если бы не повязка на голове и не измазанная чем-то фиолетовым физиономия – обычный крепкий и здоровый сон. Лежит себе, посапывает как ребенок, ничего не чувствует...

Запись 13

Место неизвестно

Дата неизвестна

Нельзя сказать, что Наташа была полностью права относительно ощущений Рудакова. С обычной точки зрения муж ее, конечно, не чувствовал ничего. Но он даже не догадывался о нахождении в бесчувственном состоянии, а проживал совершенно реальные события, созданные силой собственного разума. Но не будем предаваться праздным рассуждениям о взаимодействии тонкой материи, коей является душа, с вполне материальным телом, а взглянем на мир с точки зрения коматозного Рудакова.

Он так и не уловил момент, когда погас свет фонаря, и исчезли вечно живые звуки ночной Москвы. Возникли темнота, тишина и странное чувство незащищенности.

– Готов? – спросил Голос.

Голос как голос. Красивый, правильный, с благородными бархатными нотками. Такой бывает у профессионального диктора. И акустика – на уровне, слышимость превосходная, эхо – нулевое.

– Готов к чему? – резонно поинтересовался Рудаков.

– К разговору.

– О чем?

Похоже, Голос не был настроен на долгий разговор. Он немного помолчал и скомандовал:

– Занавес!

Рудаков хотел спросить, где он находится, но не успел: занавес раскрылся.

Запись 14

Место неизвестно

Дата неизвестна

Рудаков стоял совершенно голый на сцене перед огромным залом, заполненным удивительной публикой. В первых рядах сидели солидные упитанные мужчины, все как один в дорогих темных костюмах и высоких поварских колпаках. Их было так много, что все вместе они напомнили Рудакову виденную по телевизору в научно-популярной программе культуру плесневых грибов под микроскопом. На некотором удалении расположились персонажи иного рода – мужчины и женщины в белых халатах и мягких беретах различных окрасок. Задние ряды терялись в темноте, и, судя по всему, там располагалась публика попроще. Особенную пикантность ситуации придавал висящий над сценой портрет Мао Цзэдуна.

Как ни странно, чувство неудобства или стыда даже не возникло – как будто эти люди имели право рассматривать его тело.

Когда появились ведущие, все стало напоминать глупый и беспардонный розыгрыш.

Один – высокий, тощий, в наглухо застегнутом черном костюме. Когда он поворачивался лицом к Рудакову, то причудливая игра теней создавала иллюзию аккуратных рожек, растущих прямо над ушами.

Второй, наоборот, всячески показывал свободное отношение к одежде. Короткая белая туника позволяла лицезреть розовенькие, как у поросенка, ноги. За плечами от малейшего движения воздуха трепыхался коротенький плащ-мантия. Со стороны казалось – стоит ведущий, одетый то ли в банном, то ли в древнегреческом стиле, и время от времени расправляет сложенные за спиной крылья.

Рудаков окрестил про себя «Тощий» и «Белый».

Тощий откашлялся, бросил на Рудакова оценивающий взгляд, постучал по микрофону и сказал:

– Прошу внимания. Сегодня мы рассматриваем кандидатуру уважаемого Артемия Андреевича Рудакова. Кворум – налицо, так что можно начинать. Аплодисменты, пожалуйста.

В зале раздались жиденькие хлопки.

– Да, да, друзья, – подхватил Белый, – сегодня нам предстоит очень занимательная беседа. Артемий Андреевич – человек неоднозначный, я бы даже сказал сложный. Так что подойти к вопросу следует с особым вниманием. Не так ли, коллега?

– Безусловно.

– Ну и славно. Я думаю, пора предоставить слово Артемию Андреевичу. Прошу вас, Артемий Андреевич!

Снова раздались аплодисменты, на этот раз куда более громкие. Очевидно, зрителям не терпелось услышать Рудакова. Сам он, будучи человеком современным, начитанным и даже просвещенным в области философии, эзотерики и разнообразных религиозных воззрений, не говоря о литературе, к определенным выводам уже пришел, но раз дают слово, то не грех сразу все расставить по своим местам.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Рудаков, – я умер?

Вопрос не вызвал особого удивления.

– Умер? – пожал плечами Тощий. – А что вы вкладываете в это понятие?

– Как что? Жил, жил... и умер.

– Бедненькое определение. Если вы помните, мосье Рене Декарт однажды сказал: «Я мыслю, значит, я существую». Вы готовы оспорить авторитет Декарта?

Рудаков, конечно же, слышал эту фразу, но не задумывался о ее авторстве. Пусть будет Декарт. А что, возможно и прав этот француз. Считать себя мертвым как-то не логично, если можешь так запросто стоять, говорить, смущаться, удивляться. Хотя, как раз удивления и не было, словно все происходящее инстинктивно воспринималось реальным и естественным.

– Может быть, – осторожно сказал Рудаков, – умерло мое тело, а душа отправилась... это я и хотел спросить, куда она отправилась?

– Бинго! – радостно воскликнул Тощий. – Что называется в точку! Угадал, но, правда, с небольшим уточнением. Живехонько ваше, как вы выразились, тело. И почти невредимо. Небольшие медицинские процедуры, и будет оно скакать лучше прежнего.

– Тогда что я здесь делаю?

Тощий и Белый переглянулись.

– Да, – сказал Тощий, – это резонный вопрос.

– Резонный, – подхватил Белый, – Понимаете, раз уж вы тут оказались, мы решили провести мероприятие. Можете его рассматривать, как генеральную репетицию.

– Генеральная репетиция, значит, – задумчиво произнес Рудаков.

Он немного подумал, поднял голову и показал на портрет Мао Цзэдуна.

– Подскажите, что это?

– Извините, – смущенно сказал Тощий, – это осталось от... с предыдущего мероприятия. Не успели заменить. Еще раз прошу прощения от имени организаторов.

Рудаков почувствовал себя немного увереннее.

– А что вы хотите услышать?

– Вопрос не в том, что мы хотим услышать, – Белый погрозил Рудакову пальцем, а Тощий сокрушенно покачал головой, – а что вы, Артемий Андреевич можете сказать!

– Например?

– Посмотрите в зал, подумайте. Хорошо, дам небольшую подсказку. Сегодня мы будем говорить о культуре питания.

– Простите?

– А что тут удивительного? Практически во всех мировых религиях вопросам взаимоотношения человека и его пищи уделяется очень и очень большое внимание. Некоторые, например, считают чревоугодие смертным грехом. Другие категорически не приемлют поедание свинины... Вы, конечно, слышали об этом?

– Да... Конечно, слышал.

– Превосходно! Так что вы можете сообщить нам интересного?

Рудаков немножко поразмыслил и осторожно сказал:

– Думаю, что в вопросах еды я не совершил ничего выдающегося. Возможно, с точки зрения какой-нибудь религии я и употреблял недопустимые продукты, но в целом ничего дурного за собой припомнить не могу.

Эти слова почему-то страшно расстроили Белого, зато явно порадовали Тощего. И это было неприятно, поскольку именно Белый вызывал больше симпатий.

– По-видимому, Артемий Андреевич относится к категории людей, считающих, что каждому воздастся по вере его. Так, Артемий Андреевич? – вкрадчиво спросил Тощий.

Рудаков секунду помедлил и согласился. Наверное, именно эта формула наиболее точно описывала его мысли.

– Вы вольны верить во что угодно. Сформулирую по-другому: с точки зрения внутренних убеждений, считаете ли вы себя чистым и беспорочным по отношению к употреблению пищи?

Против ожиданий, перед мысленным взором Рудакова не развернулась картина его жизни, поэтому припомнить все свои трапезы, и тем более дать им оценку было весьма затруднительно.

– Отвечу честно... – начал Рудаков.

– А здесь только так, – перебил его Тощий, – по-другому не получится!

– Разумеется... знаете, мне трудно судить о нормах морали в этой области, но я твердо считаю себя хорошим человеком. Возможно, иногда допускающим ошибки, но хорошим.

В зале воцарилась мертвая тишина. Рудаков беспокойно посмотрел на ведущих: неужели сказал что-то не то?

– Да, – язвительно сказал Тощий, – типичная картина. Не правда ли, коллега?

– Вынужден согласиться, – вздохнул Белый и обратился к Рудакову, – если бы вы знали, уважаемый Артемий Андреевич, сколько раз нам приходилось на этом самом месте слышать эту самую фразу.

– А стоит копнуть, – подхватил Тощий, – наталкиваешься на такое...

Он сморщился и затряс головой, словно действительно увидел нечто очень гадкое.

– Не думаю, что все настолько безнадежно, – заявил осмелевший Рудаков.

Ведущие переглянулись.

– Если вы так считаете, то позвольте напомнить, – Тощий выудил из внутреннего кармана толстенный блокнот в потрепанной обложке, – некоторые, так сказать, фактики из вашей биографии...

Он пролистал несколько страниц, что-то внимательно прочитал и торжествующе поднял блокнот над головой.

– Вот! Прощу обратить внимание. Только что Артемий Андреевич рассказывал нам о своей безгреховности. Так извольте же ознакомиться!

Рудаков сжался, с трепетом ожидая оглашения неких ужасных подробностей. А Тощий, тем временем, раздобыл где-то очки, и начал с выражением зачитывать:

– В возрасте четырех лет, двух месяцев и двенадцати дней – я опускаю часы, минуты и секунды – упомянутый Артемий Андреевич, пользуясь отсутствием контроля со стороны родителей, пробрался на кухню, незаконно открыл банку клубничного варенья и съел двести пятьдесят четыре грамма, пользуясь исключительно руками!

Тощий оторвался от чтения и окинул зал орлиным взглядом.

– Скажу своими словами. Упомянутый малолетний преступник попросту залезал в варенье рукой, а потом это самую руку преступным образом облизывал!

По залу пробежал громкий ропот. Мужчины в первых рядах изумленно переглядывались, словно не веря своим ушам.

– Итак, любезнейший, что вы можете на это сказать?

Рудаков ответить не успел. Вместо него это сделал Белый, буквально взвизгивая в порыве благородного негодования:

– Протестую! Артемий Андреевич находился в столь юном возрасте, что не мог полностью осознавать преступность своих деяний!

Ропот затих, а Тощий неожиданно согласился:

– Хорошо. Хотя я противник того, чтобы рассматривать юный возраст в качестве смягчающего обстоятельства, но готов принять ваши возражения. И заодно показать еще кое-что интересное.

Он снова пролистал блокнот и, найдя нужное место, обратился к залу:

– Минуточку внимания! Как вам понравится такая история: в возрасте девятнадцати лет, шести месяцев и двух дней, то есть, полностью осознавая свои действия, Артемий Андреевич в студенческой столовой съел порцию тефтель в сметанном соусе, запив пивом «Жигулевское». Я даже не упоминаю о составе этих тефтель, он ужасен, пикантность ситуации в другом: дома его ждал приготовленный мамой ужин, включающий, между прочим, пирог с капустой и овощной салат!

На этот раз ропот был куда громче. Некоторые зрители вставали и возмущенно кричали. Такое серьезное обвинение смутило даже Белого. Он с укоризной посмотрел на Рудакова, но быстро справился с эмоциями и заявил:

– Я понимаю, что все это звучит серьезно. Но в деле имеются другие обстоятельства. Во-первых, рядом с Артемием Андреевичем находилась некая особа женского пола, имеющая ярко выраженные вторичные половые признаки. В результате, концентрация тестостерона в организме моего подзащитного в две целых четыре десятых раза превысила норму. Соответственно образовался дефицит калорий, вызвавший острейшее чувство голода, а путь домой до законного маминного ужина занимал один час двадцать две минуты. Только представьте, сколько времени ему пришлось бы испытывать физические страдания! Так что я возьму на себя смелость квалифицировать происшествие как проступок, совершенный под воздействием чрезвычайных обстоятельств.

Речь произвела сильное впечатление. Публика успокоилась, и возмущенные крики сменились тихим ропотом.

– Значит, – язвительно заявил Тощий, – мой оппонент серьезно полагает, что развращенность и аморальное поведение могут служить смягчающим обстоятельством? Ладно, я не буду спорить, оставим этот аргумент на совести противной стороны. Я просто сообщу всего лишь один факт, который полностью перевернет впечатление о господине Рудакове! Смотрите же!

И он поднял над головой прозрачный пластиковый пакет с небольшим розово-коричневым предметом внутри.

– Узнаете?!

Рудаков даже отшатнулся от неожиданности и напора:

– Н-н-нет...

– Не удивительно! Вы попросту боитесь это узнать! – Тощий, потрясая пакетом, обратился к залу, – Перед вами точная копия сосиски в тексте, купленной и съеденной Артемием Андреевичем у входа в метро Таганская в возрасте тридцати одного года, одного месяца и двадцати двух дней!

Зал взорвался. Это уже не были крики отдельных людей, а целый ураган праведного гнева. Звуковая волна швырнула Рудакова на паркетный пол с такой силой, что перед глазами расцвели яркие радужные круги. Приподнявшись, он увидел, как на сцену лезут разъяренные повара, на ходу превращаясь в мерзких скользких тварей.

Ужаса не было, только спокойная обреченность. Вот и все...

Когда бородавчатые лапы почти дотянулись до Рудакова, в его ушах зазвучал мягкий и спокойный голос Белого.

«Учись понимать язык сфер. А сейчас тебя спасет инъекция адреналина».

Свет в зале погас. Рудаков почувствовал, что летит в пропасть, дыхание перехватило, а желудок подкатил к горлу...

Запись 15

Москва

Улица Дмитрия Ульянова

Четверг, 9 июля

Полет завершился мягким ударом и слабостью, охватившей все тело эластичными путами. Темнота понемногу расступалась. Рудаков напряг зрение и смог, наконец, разглядеть склонившуюся Наташу и доктора в белом халате со шприцем в руках.

– С возвращением, дорогой, – сказала Наташа.

Глава IV. Целеуказание для Амура

Запись 16

Москва

Старая Площадь

Понедельник, 13 июля

Виктор Сергеевич всегда внимательно выслушивал советы, но при этом не терпел возражений. Эта свойство было известно всем сотрудникам Администрации, поэтому внезапная настойчивость Доброго-Пролёткина в отстаивании собственной позиции оказалась полной неожиданностью.

На настырного советника не подействовал даже резкий тон начальника.

– Виктор Сергеевич, я настоятельно рекомендую последовать изложенному плану. Поверьте, это крайне важно!

Он говорил тоном просительным с мягкими интонациями, сопровождая речь поклонами, кивками и прикладыванием рук к сердцу.

Виктор Сергеевич задумался. С одной стороны, сама идея визита к лежащему в больнице Рудакову выглядит безумной. С какой, собственно, стати? И потом, этот жест моментально поднимет новую волну обсуждения связи нападения на журналиста со статьей об Анечке. Невесть откуда взявшиеся подробности его личной жизни уже обсуждали все, кому не лень, всплывали интимнейшие детали, и невольно закрадывались мысли, что умница-красавица сама эти детали и раскрывала...

С другой стороны, он не мог припомнить случая, когда рекомендации Доброго-Пролёткина оказались бы неправильными. Конечно, общие рассуждения о «воздействии на комплексную информационную среду» не убеждали, но опыт подсказывал прислушаться к советам, тем более, высказанным с такой настойчивостью.

– Вы уверены? – наконец решился Виктор Сергеевич.

– Более чем когда-либо! – радостно воскликнул советник, – Да вы и сами убедитесь, что это – единственно верное решение!

– Ну ладно... – неуверенно сказал Загорский.

– Прекрасно, – расплылся в улыбке Добрый-Пролёткин, – запомните эту минуту, возможно, вы приняли самое важное решение в жизни! А сейчас, разрешите удалиться, мне необходимо все организовать!

Виктор Сергеевич кивнул, и советник, непрерывно кланяясь, попятился к двери. Загорский подумал, что это уже перебор, выражать благодарность руководству можно и в менее навязчивой форме, но вслух ничего не сказал.

Добрый-Пролёткин проделал подготовительную работу с поразительной скоростью. Не прошло и полчаса, как он доложил, что все готово, и необходимо выезжать как можно скорее. Виктор Сергеевич от такой оперативности испытал что-то похожее на раздражение: только сосредоточился на бумагах, вник в содержание и разобрался в смысле хитро составленных предложений, как приходится отрываться от дела и заниматься клоунадой. Политической, красиво обставленной, исполненной в благородно-сентиментальных тонах, но все-таки клоунадой.

Запись 17

*Москва
Улица Дмитрия Ульянова
Понедельник, 13 июля*

Виктор Сергеевич давно считал автомобиль вторым домом. Перегородка, отделяющая пассажиров от водителя и охранника, создавала ощущение уединенности и даже интимности. Удобное место для спокойных размышлений, жаль, недолгих: поездка кортежа не занимает много времени даже по самым непроходимым автомобильным пробкам.

Автомобиль мягко затормозил перед входом в больницу. Прежде чем выйти, Виктор Сергеевич посидел с закрытыми глазами, а потом опустил встроенное в потолочную панель зеркало. Вид, надо сказать, неважный. Мешки под глазами, нездоровый цвет лица, неизвестно откуда взявшиеся красно-фиолетовые прожилки и какие-то розовые пятна на щеках. Загорский вздохнул, убрал зеркало и нажал кнопку вызова. Ожидавший сигнала охранник открыл дверь.

Перед высоким гостем выстроилось все медицинское начальство, включая заместителя министра здравоохранения, сумевшего каким-то чудом узнать о приезде руководства и опередить кортеж. Между лимузином и входом в больничный корпус помещалась огромная лужа, которую не успели удалить, по всей видимости, из-за неожиданности визита. Скорее всего, ответственными за эту операцию были два стоявших в отдалении маленьких таджика в синих спецовках и с совковыми лопатами в руках. Теперь, по общеуправленческой логике, они будут признаны виновными в репутационных потерях городского здравоохранения.

Замминистра лучезарно улыбнулся и зашлепал по луже как был – в дорожном костюме от Китон и нежнейших замшевых ботинках.

– Дорогой Виктор Сергеевич! Очень приятно, что вы обратили внимание на наши, так сказать, палестины!

Замминистра пожал Загорскому руку и отвесил чуть не земной поклон. Это не удивительно – Виктор Сергеевич, помимо всего прочего, возглавлял бюджетную комиссию, согласующую ассигнования по линии Минздрава, и в чиновничье-медицинской среде имел статус небожителя, лично ответственного за бесперебойную работу рога изобилия.

Подоспевший главврач подхватил Виктора Сергеевича под локоть и повел в обход лужи, постоянно проговаривая «Осторожнее», «Вот тут ножку аккуратнее!», выдерживая такие ласково-назидательные интонации, словно говорил с неразумным ребенком.

От навязчивой опеки и сладких улыбок освободил Добрый-Пролёткин, коршуном налетевший на минздравовскую братию. Он произнес яркую и эмоциональную речь, упомянув Че Гевару, Ломоносова, Лао Цзы и клятву Гиппократу, посетовал на неудовлетворительное состояние санузлов в корпусах с третьего по шестой и официально объявил, что целью визита является не инспекция, а посещение одного-единственного больного.

При этих эти словах главврач заметно побледнел. Мало ли о ком может идти речь, и вдруг этот «некто» лежит, скажем, в общей палате шестого корпуса, куда без галош и противогаза лучше не входить. Услышав же фамилию Рудакова, он успокоился, зная о прекрасных условиях, созданных для журналиста. Тем более что тот вышел из комы и чувствует себя удовлетворительно. В этот момент подскочили поднятые по тревоге телевизионщики с камерой, и замминистра с главврачом окончательно отодвинули от высокой персоны.

Несмотря на точно объявленную цель визита, Виктору Сергеевичу пришлось пройти по утвержденному маршруту и осмотреть купленный за астрономическую сумму аппарат для

какой-то изощренной диагностики, встретиться с заслуженными работниками и пожать руки нескольким больным-полицейским, получившим побои от неизвестных злоумышленников.

Двигаясь таким образом по изломанному маршруту, Виктор Сергеевич неотвратимо приближался к палате Рудакова. Ловко скользнув перед начальником, главврач постучал в дверь и картинно распахнул ее.

В палате, выкрашенной в приятный голубенький цвет, рядом, как солдаты на разводе, стояли три медсестры в бело-зеленых костюмчиках, шапочках и странных коричневых бахилах, делающих ноги похожими на растущие шляпкой вниз грибы-сморчки. Сам Рудаков размещался на кровати, со всех сторон обложенный подушками, с аккуратной повязкой на голове, пластырем на левой щеке и ссадинами по всему лицу. Синяки под глазами приобрели темно-фиолетовый оттенок, что резко контрастировало с белизной постельного белья. При этом он улыбался, и весьма саркастически, очевидно забавляясь сложившейся ситуацией. Тем временем деятельный Добрый-Пролёткин проталкивал вперед оператора, затерявшегося в толпе сопровождающих.

И тут Виктор Сергеевич увидел Наташу. Он даже представить не мог, что существуют такие прекрасные женщины. Именно прекрасные, слово «красивые» не подходит, вот Анечка – она красивая, модели на подиумах и кинозвезды – тоже, а здесь – нечто другое!

Наверное, так должен выглядеть ангел. Грация каждого движения порождалась совершенством тела, а большие голубые глаза не давали возможности отвести взгляд. Отчего же она одета в джинсы и футболку с накинутым поверх белым халатом? Самое великолепное вечернее платье будет недостойно ее красоты!

В крови забурился коктейль гормонов, как у ошалевшего от весны подростка, сердце застучало в ритме станкового пулемета, уши запылали, а дыхание перехватило. Чтобы скрыть смущение, Виктор Сергеевич остановился, опустил голову и закашлялся. Подлетел озабоченный главврач, наклонился, заглянул в лицо и воскликнул:

– Виктор Сергеевич, что с вами?!

Загорский отмахнулся, показывая, что все в порядке, по очереди поздоровался с медсестрами и подошел к Наташе.

– Загорский, – представился он и протянул руку для приветствия.

Реакция женщины неприятно удивила Виктора Сергеевича. Она инстинктивно отстранилась, даже не от испуга, а как от предмета, вызывающего отвращение. Приходилось сталкиваться с разным отношением к собственной персоне, но такое случилось впервые.

Справившись с первым порывом, Наташа ответила на рукопожатие. Ее ладонь была мягкой, теплой и неожиданно сильной. В момент прикосновения Виктор Сергеевич почувствовал, что его словно пронзило электрическим током, а по телу пробежала теплая волна. Он неосознанно задержал руку, и Наташе пришлось приложить силу, чтобы освободиться.

Загорский, наконец, собрался, отвернулся от Наташи, подошел к Рудакову и произнес несколько дежурных фраз о сожалении и обязательном жесточайшем наказании виновных.

Журналист, хотя, как следовало из последней объективки, никакой он не журналист, а балующийся статейками литературный переводчик, выслушал безо всяких эмоций и слегка кивнул.

Загорский понимал, что и Рудаков, и Наташа не верят ни единому слову и считают именно его ответственным за случившееся. И это было досадно.

Виктор Сергеевич, натянуто улыбаясь, посмотрел в камеру и похлопал больного по плечу. Сам же Рудаков при этом имел вид необыкновенно довольный, словно ему делали приятный расслабляющий массаж. «Вот мерзавец, – подумал Загорский, с трудом удерживая на лице улыбку, – он еще и радуется!»

Словно поняв состояние начальника, Добрый-Пролёткин остановил съемку и засуетился, выпроваживая посетителей. Наташа хотела остаться, но советник, доверительно подхватил ее

под руку и вывел из палаты. Виктор Сергеевич, оставшись наедине с Рудаковым, не глядя в глаза, пожал руку, пробормотал что-то сочувственное, минуту постоял молча, а потом решительно развернулся и вышел.

Добрый-Пролёткин поработал так интенсивно, что посторонние исчезли не только из палаты, но даже из больничного коридора. Перед дверью в полном одиночестве стояла Наташа. Она теребила в руках платочек какого-то синтетически-желтого цвета, и широко раскрытыми глазами смотрела на Виктора Сергеевича.

– Простите... я, знаете... – Загорский смутился настолько, что не мог подобрать нужных слов.

– Ничего страшного, – сухо сказала Наташа и посторонилась.

Виктор Сергеевич, наконец, сумел справиться со смущением.

– Я хотел бы сказать, что никакого отношения ко всему этому, – он кивнул в сторону палаты, – не имею. Произошла трагическая случайность. Я лично сделаю все от меня зависящее, чтобы найти виновных.

В голосе Загорского звучала такая убежденность, что он сам поверил в собственные слова. Сейчас даже самый совершенный полиграф подтвердил бы его исключительную правдивость.

И, похоже, это произвело на Наташу должное впечатление. Неуловимо изменилось выражение ее лица, исчезли неприязнь и испуг, осталась детская обида и растерянность.

– Тогда за что?

– Это преступники, – жестко сказал Виктор Сергеевич, – лично я думаю: попытка ограбления или бытовое хулиганство.

Наташа внимательно взгляделась в лицо Загорского.

– Честно скажу, я была уверена, что все это из-за статьи. Если все не так...

– Не так. Более того, поверьте, у меня вообще нет причины хоть как-то реагировать на подобные статьи. Я вообще не знал об их существовании до этой трагедии. И мне по-настоящему обидно, что мое имя звучит в этой истории.

– Извините, – сказала Наташа, – меня совершенно не интересуют ваши личные обстоятельства.

– Не интересуют?! – с горячностью ответил Виктор Сергеевич. – А вы представьте, каково мне выслушивать фантазии и обвинения на тему, которой просто не существует! Почему вы решили, что я могу быть причастен к такому? Ах, да, я знаю – почему! В сети сообщается как данность, будто бы я связан с женщиной, возглавляющей некий фонд. И вы, разумеется, поверили, верно?

– Почему вы мне это рассказываете?

– А кому мне еще, скажите, рассказывать? Оправдываться в прессе? Выступать по телевизору? Зачем? Поэтому и говорю это вам, без камер и помпы: вопрос нападения на вашего мужа стал лично моим. Если хотите, это – дело чести.

Запись 18

*Москва
Профсоюзная улица
Понедельник, 13 июля*

Наташа не ожидала такого поворота. Главный злодей – ужасный и безжалостный Загорский оказался человеком искренним и даже симпатичным. Ничего не скажешь, прийти в больницу и при всех выразить сочувствие человеку, которого считают первейшим недругом – сильный поступок. Возможно, он обманывает. Возможно. Но тогда в нем умер великий актер. Нельзя так притворяться. Да и зачем? Кто она такая?

И к чему, скажите, Рудакову понадобилась эта писанина? Ему же всегда была безразлична политика. Даже не то, чтобы безразлична, просто он считал абсолютно всех персонажей, жаждущих популярности, заслуживающими только насмешки. А смеяться Рудаков умеет. Да еще как! Эта дамочка из фонда – вообще идеальная мишень. Глупая, алчная и самовлюбленная особа. Какой же курицей надо быть, чтобы за счет благотворителей закупить для себя, родимой два десятка часов от Картье! Как там было у Тёмы? «С энтузиазмом маньячки-сороки она тащила в гнездышко фитнесочки и блестяшечки». Обиделась, наверное...

Рудакову стало значительно лучше, и Наташа решила не оставаться в больнице на ночь, тем более что после визита Загорского повышенное внимание персонала было обеспечено.

Дома остался трехдневный беспорядок, на кухне – стол с банкой теплых маринованных помидорчиков, на которых уже замохнатила бело-зеленая плесень, пустой водочной бутылкой и осклизлой тарелкой нарезанной колбасы. Этот натюрморт остался с момента, когда Наташа, услышав крик Рудакова, выскочила из квартиры. Интересно, как вообще можно было что-то слышать, квартира все-таки на седьмом этаже, а окна выходят в другую сторону?

Сил хватило только на то, чтобы вымыть посуду и привести кухню в божеский вид. Генеральную уборку придется отложить на завтра. Наташа распахнула окно, и порыв свежего ветра истребил затхлый запах неубранного жилья. Она закрыла глаза и вздохнула полной грудью: на удивление, ветер донес аромат трав и солоноватый привкус моря.

Наташе вдруг почувствовала пристальный взгляд, направленный ей в спину. Обернуться сразу было страшно – а вдруг, и правда, она не одна. Сказав себе, что нельзя быть такой мнительной, обернулась и никого не обнаружила, но на всякий случай громко спросила:

– Кто здесь?

Ответа не последовало, и она сразу успокоилась.

Наташа прошла в ванную комнату, сбросила одежду и стояла под горячим душем, пока кожа не распарилась и не покраснела. Под потолком собрался густой туман, зеркало запотело, а кафельная плитка покрылась большими каплями, ползущими вниз, как прозрачные улитки.

И стоило намылить голову шампунем, как в дверь позвонили. Наташа засуетилась – вдруг что-то с Рудаковым – наскоро сполоснулась, накинула халат и побежала открывать.

На пороге стоял участковый – майор полиции Гасан Шарафович Мамедов.

Гасан Шарафович отличался отменным здоровьем, невысоким ростом, благостной округлостью лица, приятной для глаз упитанностью и привычкой надевать на фуражку полиэтиленовый пакет в дождливую погоду.

О причинах его позднего визита гадать не приходилось. Рудаков относился к оформлению любого рода бумажек крайне легкомысленно. Он, понимаете, предпочитал свести к минимуму общение с государством, поскольку от этого у него случались аллергические реакции. К сожалению, государство придерживалось иной позиции и придирчиво относилось к фор-

мальностям вроде правильно оформленной прописки и постановке на воинский учет. И претензии к Рудакову оно высказывало посредством визитов майора Мамедова.

– Здравствуйте, Наташа, – с сильным акцентом сказал майор Мамедов и без спроса вошел в квартиру. Наташе пришлось посторониться.

Рудаков обычно разговаривал с ним без особых церемоний – предельно вежливо, но всегда так заковыристо, что майор понимал: над ним издеваются, но как именно – разобрать не мог. От этого уважаемый сотрудник полиции злился, менял цвет лица, что-то бормотал под нос и уходил, обещая непременно вернуться. И, как следует офицеру, слово свое держал: возвращался раз за разом. Рудаков даже начал подозревать наличие у него особой формы мазохизма.

У Наташи были собственные мысли по поводу деятельной активности майора Мамедова. Примерный семьянин, по воскресеньям выгуливающий в парке жену и четверых детей, каждый раз смотрел на нее такими масляными глазками, что ошибиться в направлении его мыслей было невозможно.

Майор не спеша оглядел прихожую, покачал головой, словно увидел что-то недозволенное, и раскрыл папку.

– Гражданин Рудаков здесь проживает?

– Гражданин Рудаков, – ответила Наташа, – в настоящий момент находится в больнице.

– Это нам известно. Вы даже не представляете, как нам хорошо все известно. А скажите, Наташа, как так случилось, что в больницу кладут человека без прописки и регистрации?

– У него есть прописка.

– Э-э-э, какая прописка? Где он прописан? На улице Профсоюзная, дом двадцать четыре, корпус пять, квартира сто тридцать два?

– Вы же знаете, он прописан в Подмоскowie.

Мамедов сладко улыбнулся.

– Вот видите, Наташенька, он прописан в другом месте. На каком основании он проживает здесь и даже указывает адрес в официальных анкетах?

– Я здесь прописана, а Рудаков – мой муж, – твердо сказала Наташа.

– Зачем обманываете? У вас брак зарегистрирован?

– Мы венчались!

– Венчались-шменчались... закон таких слов не знает. Свидетельство из ЗАГСа есть? Нет? Почему же вы его называете мужем? Нехорошо. Гражданин Рудаков не имеет права проживать в этом жилом помещении. У нас, Наташенька, терпение не безгранично.

С этими словами Мамедов так посмотрел на нее, что Наташа невольно сильнее запахла халат.

– Что вы так боитесь? – сладко улыбнулся майор. – Я же всегда относился к вам очень хорошо. Если бы не я, этого Рудакова давно бы уже не было. Поэтому...

Он сделал шаг к Наташе, и она отступила, прижавшись спиной к стене.

В этот момент прозвучал сигнал мобильного телефона. Мамедов достал трубку, посмотрел вызывающий номер и с явным сожалением ответил. Выслушав, со вздохом сказал:

– Служба, Наташенька. Ничего, я зайду завтра. Договорились?

Он еще раз улыбнулся, приложил руку к фуражке и вышел из квартиры. Наташа захлопнула дверь и закрыла все замки. Говорила же мама: сначала спрашивать «кто там?», и только тогда открывать!

Снова зазвонил телефон, теперь уже домашний. Наташа взяла трубку с осторожностью.

– Да?

– Наталья Владимировна?

– Да.

– Здравствуйте, Наталья Владимировна, меня зовут Карл Иммануилович Гофман. Я сотрудник администрации президента Российской Федерации. Мы взяли под особый контроль дело вашего мужа и хотим сообщить, что намерены оказать вам всяческую помощь и содействие. Мы понимаем, как тяжело вам сейчас, но не стоит волноваться – все будет хорошо, мы решим все проблемы...

Звучащий в трубке голос не просто успокаивал, он обволакивал, убаюкивал, и заставлял сердце биться ровнее. Карл Иммануилович говорил о заботе лично президента о гражданах, о справедливости, и еще о материях, понять которые не было никакой возможности, но слушать – весьма приятно.

– ...очень скоро вернется Артемий Андреевич, и все, поверьте, будет по-прежнему... вас что-то волнует, Наталья Владимировна? Кажется, вы обеспокоены. Нет?

И тут Наташа рассказала о визите майора Мамедова. Не для того, чтобы пожаловаться, а просто из желания выговориться.

Голос в трубке помолчал, затем успокаивающе произнес:

– Не переживайте, Наталья Владимировна, майор Мамедов вас больше не побеспокоит.

– Ой... я буду очень благодарна.

– Это наша работа. До свиданья, Наталья Владимировна.

В трубке зазвучали короткие гудки.

Запись 19

*Москва
Улица Кржижановского
Понедельник, 13 июля*

Майор полиции Гасан Шарафович Мамедов не боялся никого на свете, включая собственного начальника полковника Свиридова. Как, скажите, можно бояться человека, который каждое второе число месяца ровно в десять часов утра приходит за пухленьким конвертиком. Можно, конечно, подумать, что недобросовестный участковый передает руководству долю от собранных в районе взяток и иных подношений, но поверьте, здесь случай совсем иной. Конверт приходил от дяди Рафика в качестве благодарности за назначение Мамедова на должность участкового, который должен всего лишь закрывать глаза на отдельные мелкие события. Впрочем, дядю Рафика Гасан Шарифович все-таки боялся, что не удивительно – его все боялся.

Майор Мамедов кушал. Так получилось, что забежавшись за день, он не успел пообедать, и поэтому ужин получился обильным и разнообразным. Салат из сладких бакинских помидоров и болгарского перца, баклажаны, запеченные с чесноком и сыром, густая шурпа с зеркальными островками бараньего жира, манты из тончайшего теста с тающим на языке нежным фаршем, жареные в масле пирожки, свежие лепешки и графинчик холодного айрана с мелко нарубленным укропом – что может быть лучше для голодного человека?

Посмотрев на такое кулинарное великолепие, Мамедов вздохнул, покосился на стоящую у стола жену и достал из морозилки бутылку запотевшей ледяной водки.

В дверь позвонили, как только майор принял первые сто грамм, и в голове приятно зашумело. Он кивнул жене, и та поспешила открывать. И кого, скажите, несет? Позвонить нельзя, что ли?

Разговор, состоявшийся в прихожей между супругой господина Мамедова и неизвестной личностью, был кратким и имел необычные последствия. Послушная до настоящего момента уроженка Нахичевани вернулась на кухню в необычайно боевом настроении. Поскольку именно русский язык обладает колоссальным объемом слов и оборотов ненормативной лексики, то именно его разъяренная женщина использовала для беседы с мужем. Самым мягким выражением было: «Ах ты, кобель паршивый!»

Изумленный майор не успел произнести ни слова, как жена перешла к активным действиям, ухватив подаренную на десятую годовщину свадьбы разделочную доску из твердого самшитового дерева.

Запись 20

Комментарий Рассказчика

Детали дальнейших событий достоверно неизвестны никому, кроме непосредственных участников. С уверенностью можно утверждать одно: последующие две недели Гасан Шарфович провел в больнице, причем, по странному стечению обстоятельств, рядом с палатой, в которой находился Рудаков. Супруга незадачливого участкового три раза в день приносила куриный бульон и кормила его через трубочку, поскольку иных способов питания при таких травмах попросту не существует.

Эта история не имела для майора Мамедова далеко идущих последствий, за исключением двух обстоятельств: он прекратил употреблять за ужином горячительные напитки, а при приближении жены стал инстинктивно прикрывать голову руками.

Глава V. Маневры влюбленного полководца

Запись 21

Москва

Старая Площадь

Вторник, 14 июля

Можно ли вообразить, что столь высокое должностное лицо, как заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации может страдать от любовной горячки?

Виктор Сергеевич целый день был не способен заниматься делами. Колушевский, угадавший состояние шефа, объявил его больным и отменил несколько встреч и совещаний. А Загорский с отсутствующим видом сидел в кресле, отказываясь отвечать на телефонные звонки. Анечка, почувствовав неладное, отправила полсотни истеричных эсэмэсок.

Сам же Виктор Сергеевич, если и вспоминал об умнице-красавице Анечке, то исключительно как о неприятной помехе. Нет, его отношение к жизни и собственное понимание слова «честь» полностью исключали формулу «с глаз долой – из сердца вон». Он, безусловно, позаботится о перспективной девушке, замолвит словечко, а, возможно, и пристроит в хорошие руки. Но все это – потом. Сейчас все мысли занимала Наташа.

Воображение рисовало образ женщины безупречно-прекрасной, можно сказать, совершенной. Она казалась высшим существом, к которому не то, что прикоснуться – посмотреть боязно. Загорский уже корил себя за то, что осмелился свободно с ней разговаривать.

В кабинет змеей проскользнул Добрый-Пролёткин. Он обладал феноменальным умением проходить мимо любой охраны. Говорят, его замечали даже в новом бункере Президента, куда допуск закрыт всем без исключения.

Добрый-Пролёткин спокойно воспринял отсутствующе-мечтательный взгляд непосредственного начальника.

– Виктор Сергеевич, а я с идейкой!

Загорский, услышав чарующий голос советника, сделал усилие и посмотрел на него вполне осмысленно, попутно обнаружив, что перед ним лежит пачка бумаги, изрисованная женскими профилями. Он отбросил ручку и спросил с раздражением:

– С какой идейкой?

– Я могу быть откровенным?

– Вы вообще о чем?

– Значит, могу. Я заметил, что вы обратили внимание на супругу нашего пациента.

Виктор Сергеевич от такой откровенности даже вздрогнул. Это оказалось неприятным, словно его застали за чем-то недостойным.

– Я не имею в виду ничего предосудительного, – заторопился Добрый-Пролёткин, – Наталья Владимировна Воробьева – несомненно, спокойная и уравновешенная особа. Исходя из этого, я предлагаю внести небольшие коррективы в наш план.

– Какие именно?

– С ее помощью мы сделаем противника другом. Наши спецы составили психопрофили Воробьевой и Рудакова. Интересная вещь получается: Воробьева – одна из немногих, кто может повлиять на Рудакова. А с ней продуктивный контакт возможен.

– И как вы себе это представляете?

– Да очень просто! Дружески поговорить, чайку попить, а то и вина хорошего, яблочки покушать... именно, яблочки, с вином-то хорошо, да чай тоже не повредит, а главное – хороший разговор! Загипнотизировать, так сказать, обаянием...

Виктор Сергеевич с изумлением посмотрел да Доброго-Пролёткина. Какие еще яблоки?! Однако, вопреки правилу жестко контролировать разговор, собеседника не прервал.

– Могу с ней встретиться. Или... – советник замолчал и изобразил на лице вопросительное выражение.

– Или что?

– Или, может, вы сами, ввиду важности вопроса?

В другой ситуации Виктор Сергеевич даже не допустил бы такой постановки вопроса. Безумие какое-то – человеку его уровня встречаться с женой какого-то журналиста, чтобы уговорить ее повлиять на мужа... Полнейший бред!

Но сейчас он был готов обнять Доброго-Пролёткина, однако же, сказал с самым серьезным видом:

– Хорошо, я сам. Но это не решает вопроса с Султаном. Он уже два дня в Москве, встречаться отказался, дал неделю на выдачу своего человека. В противном случае – сам его заберет и заодно перережет глотку Рудакову. Я так понял, по линии МВД – без результата?

Добрый-Пролёткин вздохнул и прижал руки к груди, показывая, насколько тяжелая идет работа.

– Как сказать... ведем переговоры.

– Может, пришло время моего разговора с министром?

– Рано пока. У меня есть комбинация, при которой эмвэдэшники не получают ничего, а Султан будет полностью удовлетворен.

– Это противоречит первоначальному плану?

– Да. Производим, так сказать корректировочку.

Виктор Сергеевич задумчиво взял ручку и нарисовал на листе церковный купол с крестом и полумесяцем. Добрый-Пролёткин наклонился, беспардонно взглянул на рисунок и тонко улыбнулся:

– Хорошие у вас мысли.

Загорский отбросил ручку и сердито сказал:

– Вы лучше расскажите о своей корректировочке.

– Сей момент! – воскликнул Добрый-Пролёткин. – На самом деле базовая идея проста: если мы заручимся дружбой Воробьевой, то все, что произойдет с Рудаковым, будет ассоциироваться исключительно с Султаном. В конце концов, официально за охрану отвечает МВД.

– Вы предлагаете отдать Рудакова Султану?

– Ни Боже мой! Мы же не звери, в конце концов!

– Это радует. Тогда что?

– Мы проанализировали ситуацию, поработали с адвокатами. Формально позиция МВД простая – совершенно нападение на Рудакова, потом на сотрудников, да еще с применением огнестрельного оружия. Вроде бы и взят на месте преступления. Но! Джигит с самого начала находился в отключке – это его Рудаков урной приглубил...

– Улавливаю... на него есть только показания Рудакова?

– Показаний Рудакова нет, есть показания свидетелей. Наш писатель, видите ли, считает все своим личным делом и не хочет ничего подписывать!

– А свидетели? Вы хотите с ними поработать?

– Разве что совсем немного. Уверен, они с радостью будут сотрудничать.

– С радостью?

– Только так! Мы же должны нести в мир добро и радость! – без тени улыбки сказал Добрый-Пролёткин.

Виктор Сергеевич поднялся с кресла, и прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился перед портретом Столыпина и посмотрел ему в глаза, словно желая прочесть мысли. Но бывший председатель Совета министров Российской Империи, по всей видимости, не попадал в щекотливые ситуации с кавказскими горцами, а вопросы с прессой решал кардинально, и поэтому полезных рекомендаций в данном случае дать не мог.

Загорский повернулся к Доброму-Пролёткину и задумчиво произнес:

– Но это все время. Следствие может тянуться годами. Султан не шутил, когда давал три дня. Нам что, воевать в Москве с его абреками?

– Воевать не надо! Есть одна комбинация. Как говорится, поменяем полярность.

– Давайте, – безнадежно махнул рукой Виктор Сергеевич, – выкладывайте вашу комбинацию...

Запись 22

Москва

Старая Площадь

Вторник, 14 июля

Виктор Сергеевич размышлял. Приказал подать чаю, устроился в кресле поудобнее, положил перед собой лист бумаги и взял ручку. Рисование, знаете ли, стимулирует мыслительный процесс. Итак, начали: слева – звездочки, справа – крестики.

В предложении Доброго-Пролёткина, безусловно, есть рациональное зерно. Да что уж там – это на самом деле выход. Надо оценить реакцию всех действующих лиц. А для этого требуется прикинуть, что они хотят, и что получают.

«Султан... Да кто же знает, чего он вообще хочет? В данном конкретном случае – свободы своему джигиту и рудаковской крови. Что получит? Реабилитированный и чистый как ангел джигит выйдет на волю, а Рудаков будет наказан. Без членовредительства, но достаточно жестко. Минусы. А куда же без них? Возможно, произойдет задержка с выходом джигита. Небольшая – дней пять, все зависит, насколько упрутся эмвэдэшники. Вроде бы сильно не должны – при новых раскладах фигура Загорского выходит из-под удара, а бодаться с Султаном им не с руки...»

Виктор Сергеевич хлебнул из стакана и недовольно поморщился: чай успел остыть. А это – неправильно. Чай должен быть обжигающе-горячим, чтобы пить его маленькими глотками, ясно ощущая вяжуще-горький вкус. Именно так можно отличить настоящий напиток от столовских помоев. Виктор Сергеевич вызвал секретаря, велел заварить заново и подать колотого сахару. Вспомнилось, как говорила матушка: «Думать надо вприкуску».

Секретарь как будто читал мысли начальника: он появился в кабинете с подносом через несколько секунд после вызова. Виктор Сергеевич окунул в стакан кусочек рафинада, хрустко откусил и сделал глоток. Вот сейчас – то, что надо!

«Министр МВД. Его интерес простой – позиция замгенпрокурора для своего человечка. Дело Рудакова ему интересно с точки зрения давления на меня, чтобы вывести из игры. Хочет торговаться и ждет переговорщиков. Исчезнет возможность давления – интерес пропадает. С Султаном ссориться точно не захочет, так что, если юридически очистим джигита – должен отпустить».

Еще пару глотков – с наслаждением, смакуя вкус. Жаль, что бросил курить, сейчас сигарета не помешала бы.

«Президент. А ему – все равно. Смотрит, как мы тут разбираемся между собой. Все прекрасно знает и понимает. Если поднимется лишний шум, то по голове получают все, кроме, конечно, Султана. У него с президентом особые отношения. А остальным шум не выгоден. Сейчас хуже всех придется мне, а после пролёткинской комбинации – министру МВД. Это, кстати, хороший стимул для компромисса».

Стоящие у стены массивные напольные часы пробили двенадцать так громко, что погруженный в мысли Загорский вздрогнул от неожиданности. Ставшее привычным и потому неслышное тиканье вдруг стало удивительно назойливым. Тогда – еще чаю, успокаивает сам процесс: взять подстаканник, почувствовать тепло, услышать, как мирно позвякивает стакан, поднести к губам...

«И, наконец, Рудаков. Ему будет плохо при любых раскладах. В нашем случае последствия наименее тяжелые. А что, получит максимум три года, отсидит полсрока и выйдет. А спокойную отсидку мы уж как-нибудь обеспечим, мы же не звери...»

Виктор Сергеевич раскладывал в уме комбинации, рисуя на бумаге. И крестиков, надо сказать, получалось куда больше, чем звездочек. А еще он гнал от себя подленькую мысль о том, что Наташа оказывается свободной, а неприятного Рудакова поблизости уже не будет.

Запись 23

*Москва
Улица Красноказарменная
Среда, 15 июля*

С утра Наташа ходила в больницу. Удалось поймать врача и буквально на бегу переговорить. Оказалось, что здоровье Рудакова все еще вызывает опасения: ушиб селезенки, сотрясение мозга и кровоизлияние в основание черепа – несильное, но все же, достаточно тревожное – потребуют минимум двух недель в стационаре. При этом доктор описал, что сейчас должен чувствовать пациент – постоянная головная боль и нарушение координации движений. Кроме того, такие травмы нередко приводят к парадоксальным реакциям мозга, но это тема малоизученная и непредсказуемая. Сам Рудаков получил утреннюю порцию уколов, и мирно спал, забравшись по своему обыкновению с головой под одеяло.

Расстроенная Наташа выложила из сумки в холодильник грейпфрутовый сок и мандарины, оглядела палату – все ли в порядке, и, удовлетворившись осмотром, решила заскочить на работу. Особой необходимости в этом не было, начальник с пониманием отнесся к ее проблемам, но все же, дела никуда не уйдут, разбираться с ними все равно придется, а текучка имеет обыкновение накапливаться и превращаться в завал. Наташа быстрым шагом вышла из больницы, поймала такси и мигом домчалась до офиса родной рекламной конторы.

Как-то само собой получилось, что множество мелких дел продержали ее до вечера. Сначала долго не могла войти в сеть – компьютерщики вчера переустановили систему, всем раздали новые пароли, а о ней, как водится, забыли. Затем долго искала по папкам письмо, на которое, кровь из носу, надо было дать срочный ответ. И, разумеется, выслушивала обязательные сочувственные речи сослуживцев, прекрасно осведомленных обо всех перипетиях дела Рудакова.

Рекламное агентство – место, где сумасшедшая работа над каким-нибудь проектом, что называется без сна и отдыха, перемежается периодами сонного безделья. Сегодня был как раз момент перехода от сезона безделья к проектному авралу. Работы, вроде, немного, но все больше нудной и нетворческой, какую делать приходится, изо всех сил преодолевая внутреннее нежелание. Написав с десятков скучнейших бумаг для начальника, гения коммерции, но абсолютно беспомощного в отношении делопроизводства, Наташа посмотрела на часы и обнаружила, что уже половина восьмого. Посмотрела – и расстроилась: к Рудакову сегодня не успеть. Быстро набрала номер, услышала в трубке заспанный голос и спросила, не нужно ли чего. Но мужу, по всей вероятности, кололи то ли успокаивающее, то ли снотворное, так что он постоянно находился в полусонном состоянии и иных желаний, кроме как вздремнуть, не имел.

На улице было жарко и светло, а вечернее время обозначилось лишь удлинившимися тенями и красноватым оттенком купающегося в мареве солнца. На тротуаре рядом с ящиком-холодильником, забитым ледяным мороженым, примостилась тетка в синей униформе и пластиковом фартуке. Она еще предлагала газировку, но из другого, неработающего холодильника. А кому, скажите, охота в жару пить горячую приторно-сладкую колу? Торговля не шла, и продавщица, ничуть не стесняясь прохожих, очень нелестно отзывалась о хозяине. Теперь вся улица знала, что его зовут Арсен и у него явные проблемы с деловой хваткой и моральной устойчивостью.

Наташа подошла и попросила эскимо за тридцать рублей.

– Эскимо нет, – со злостью сказала продавщица.

– А что есть?

– Читайте, здесь все написано.

Мороженого как-то сразу расхотелось. Только представишь, что его трогала такая несимпатичная женщина... Наташа повернулась и пошла к метро, с ужасом представляя, как сейчас окунется в духоту подземки.

– Наталья Владимировна!

Наташа обернулась и несказанно удивилась, увидев перед собой Виктора Сергеевича Загорского собственной персоной. Так, запросто, встретить на улице одного из руководителей государства!

– А я вас ждал, Наталья Владимировна.

Это сообщение было не менее удивительным, чем сам факт появления Загорского.

– Зачем? – пролепетала Наташа.

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Скажем так, я обещал довести дело до конца и твердо собираюсь исполнить обещание. У меня к вам небольшой разговор.

– Но... можно же по телефону... или я бы пришла...

– Но я все-таки офицер, и честь мундира не позволяет утруждать такую прекрасную женщину, – улыбнулся Виктор Сергеевич.

Комплимент Наташе понравился. Действительно, приятно слышать такие слова от такого человека.

– Спасибо. Хорошо, давайте поговорим.

– Ну, уж нет, – решительно сказал Загорский, – предлагаю пройти в более удобное место. Как вы относитесь к французской кухне?

Предложение застало Наташу врасплох. Любой другой получил бы немедленный отказ, но в этом случае все не так просто. Во-первых, есть важная тема для разговора. Во-вторых, приглашает все-таки не рядовой гражданин, а заслуженный человек. В-третьих, Загорский вызывал определенную симпатию, как по-настоящему интересная личность. И, наконец, последний раз с Рудаковым они были в ресторане года три назад. К тому же дома – шаром покати, а за целый день удалось перехватить только половинку грейпфрута на завтрак.

– Хорошо, – согласилась Наташа, – только недолго, ладно?

– Разумеется! – воскликнул Виктор Сергеевич. – Я буду предельно краток!

Он подхватил Наташу под руку и повел к автомобилю. Охранник, с похожим на червяка завитым проводом над ухом, сверкнул зеркальными очками и распахнул дверцу.

Наташа остановилась, секунду колебалась, затем села на мягкое сидение.

Запись 24

*Москва
Улица Пятницкая
Среда, 15 июля*

– Прошу вас, Наташенька, попробуйте вот это!

Виктор Сергеевич пододвинул вазочку с кремовым паштетом, усыпанным тоненькими лепестками белого цвета.

– Странный запах, – осторожно сказала Наташа, стесняясь отказаться.

Загорский рассмеялся:

– Это фуа-гра с трюфелями.

Наташа подцепила кончиком ножа кусочек паштета и положила на булочку.

– Очень необычно, – сказала Наташа, попробовав, – я думала, трюфеля – как грибы.

Какой-то химический привкус, да?

– Действительно, есть такое. Понравилось?

– Не особенно. Я лучше по старинке – устриц.

– Как прикажете!

Виктор Сергеевич щелкнул пальцами, и тут же, как из-под земли, вырос похожий на пианиста официант в черном фраке. Загорский пошептался с ним и посмотрел на Наташу.

– Наташенька, какое вино предпочитаете?

– Шабли, – не задумываясь, ответила она.

– Уверены? На самом деле, Шабли – не более чем дань традиции. Я бы посоветовал Бордо.

– Вам виднее.

– Ну и ладно, возьму на свой страх и риск, – сказал Виктор Сергеевич и отослал официанта.

Наташа подумала, что все равно не отличит Шабли от Бордо. К тому же она не любила вина и соглашалась сейчас пить только из-за устриц, которые надо кушать исключительно с белым вином. Последний раз они с Рудаковым пробовали устрицы лет пять назад в Ницце, в какой-то забегаловке у порта, сидя за пластиковым столиком, покрытым дешевой клеенкой. Никакой торжественности и помпы, только стеклянная бутылка с водой, домашнее вино в простом графинчике, крупно нарезанный лимон и огромное блюдо пахнущих морем свежайших раковин...

– О чем задумались, Наташенька?

– Нет, ни о чем... красиво здесь.

– О да, на мой взгляд, это лучший ресторан в Москве. У него нет звезд Мишлена, но шеф – просто волшебник. Напрасно вы отказываетесь кушать.

– Как отказываюсь? А устрицы?

– Это, знаете, не еда. Скажем так, идеальная холодная закуска, не требующая приготовления. Только абсолютная свежесть и правильная сервировка.

– Хорошо сказано.

– А как же, – рассмеялся Виктор Сергеевич, – по-другому нельзя.

Наташа огляделась. Она чувствовала себя неуютно в джинсах и футболке среди изысканных интерьеров в стиле Людовика XVI.

– А вы здесь часто бываете?

– Частенько. Правда, уютненькое местечко?

– Уютненькое? Скорее роскошное. Я как-то привыкла попроще...

Виктор Сергеевич критически посмотрел на огромную люстру, изготовленную из многих тысяч кристаллов горного хрусталя.

– Пожалуй, соглашусь. Но с другой стороны, роскошь – это результат труда искусных мастеров. Если хотите, материальное воплощение таланта. И, наблюдая ее, невольно восторгаетесь человеческим гением. Разве нет?

– Правда, – ответила Наташа, – но уюта это не добавляет.

Подлетели официанты, один принес блюдо с устрицами, другой – вино.

На бронзовом чеканном подносе был насыпан дробленый лед, на котором лежали раскрытые раковины. Поднос дышал холодом, свежестью и запахом моря. Официант начал перечислять предложенные сорта устриц. Наташа подумала, что, скорее всего, это француз: порусски изъяснялся с сильным акцентом, а названия сортов говорил по-французски, сильно грассируя: «Фин де Клер лабель руж», «Белон», «Спесиаль де Клер экай д'Аржан». В это же время другой официант ловко открыл бутылку, подхватил бокал, налил на доньшко и передал Виктору Сергеевичу. Тот сосредоточенно пополюскал вино во рту и благожелательно кивнул. Тогда официант, всем видом показывая, что несказанно рад такой высокой оценке, вытянул длинную, как стрела подъемного крана руку, и налил Загорскому и Наташе.

– Наташенька, ваше здоровье! – Виктор Сергеевич, широко улыбаясь, поднял бокал.

Наташа кивнула в ответ и сделала глоток. Вино оказалось действительно вкусным, в голове сразу зашумело, и образовалась приятная легкость.

– Нравится? – спросил Виктор Сергеевич.

– Да.

– Я рад. Это одно из лучших вин Франции.

– Лучших? Дорогое, наверное?

– Не знаю, – развел руками Виктор Сергеевич.

– Хорошо вам, – позавидовала Наташа, – так легко относится к расходам.

Загорский улыбнулся несколько самодовольно, это не укрылось от Наташи, и она почувствовала легкий укол раздражения.

– А вы всех так встречаете?

– Я лично?

– Допустим, вы, в администрации. Специальный бюджет выделяете на встречу, да?

Этот вопрос Загорского не смутил. Он поставил бокал на стол, подхватил устрицу, зачерпнул миниатюрной ложечкой соус, вылил в раковину и ловко отправил в рот.

– Ах, хороша... Наташа, скажите честно, вы осуждаете меня за все это? – он повел головой, показывая на интерьеры ресторана.

– Да, – секунду подумав, ответила Наташа.

– И это очень обидно, – вздохнул Виктор Сергеевич, – вы, видимо, рисуете мой портрет исходя из информации, укоренившейся в массовом сознании. Коррупционер, хапуга, жулик, верно?

– Нет, что вы...

– Не отпирайтесь, это так. Я знаю. И скажу, что это нормально.

– Как так?

– Я имею в виду, нормально, что вы так считаете. Информационная среда – штука предельно недружественная и агрессивная, и она почти всегда создает неправильные образы. Если скажу, что не имею счетов в банках, яхт, замков и прочей дребедени, вы поверите?

– Да, – неуверенно сказала Наташа.

– Лучше бы уж сказали «нет», правдивее получится, – засмеялся Загорский, – а тем не менее, это – чистая правда. У меня почти ничего нет. Что-то есть у родственников, но это, поверьте, сущие мелочи по сравнению с тем, что мне приписывают.

– Вы бесребреник, да?

– Конечно, нет. Скажем так: у меня другая мотивация.

– И какая же? – спросила Наташа.

Она сделала глоток вина и машинально поправила волосы. Увидела, что Загорский заметил этот жест и почему-то смутилась.

– Наташенька, – рассмеялся Виктор Сергеевич, – кушайте устрицы. Это – чистый белок. Идеально подходит для создания романтического настроения. Что же касается мотивации, то вы, наверное, не поверите. Кроме меркантильных интересов существуют такие понятия как любовь к родине, долг, честь. Наверное, громко сказано, но именно они вдохновляют меня.

– Действительно, громко сказано. Приятно исполнять свой долг в такой атмосфере, – сказала Наташа неожиданно резко.

Загорский ничуть не обиделся.

– Действительно, приятно. Но, согласитесь, нельзя проводить деловые встречи в рабочей столовой. Впрочем, признаюсь: в моем распоряжении действительно есть значительные фонды. Это правда. Но я не использую их в личных целях. То, что вы считаете роскошью – на самом деле производственная необходимость.

– Красиво звучит. Попробуйте объяснить это бабушкам, которые живут от пенсии до пенсии.

– А зачем? Не все следует объяснять, неведение часто бывает благом.

– Вы серьезно? – возмутилась Наташа. – А как же демократия?

Сказала и почувствовала, как лицо заливает румянцем. Вроде бы правильные слова, но звучат они как-то неуместно и даже глупо. Громко сказано! Прямо-таки Свобода на баррикадах. К тому же сильного раздражения против Загорского у нее не было, просто его утверждения звучали как-то слишком вызывающе. Чтобы скрыть неуверенность и смущение Наташа быстро налила полбокала вина и залпом выпила.

– Ого! – удивился Виктор Сергеевич. – Я же говорил, что Бордо – превосходный выбор. А касательно демократии... Готов обсудить. Наташа, вы уверены, что она вообще существует?

– А как же! Разве нет?

– Конечно, нет! Давайте разберемся, что именно вы понимаете под этим словом?

– Ну, – Наташа задумалась, – выборы, свобода, правильные законы. Мне сложно сказать точно, я думаю, вы и сами знаете.

Виктор Сергеевич откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и, артистично держа бокал двумя пальцами, сказал:

– Понимаю. И поэтому заявляю, что демократия – недостижимая утопия.

– И можете это доказать?

– Конечно, Наташенька. Вы говорите про выборы. Допустим, выбирают президента. Обратите внимание, лично его знают единицы, а голосуют десятки миллионов. Таким образом, среднестатистический человек, рядовой, так сказать избиратель, голосует не за кандидата, а за его образ, созданный средствами массовой информации, и, в первую очередь, телевидением. Ну и еще интернетом... Вы с этим согласны?

Наташа подумала и согласилась.

– Прекрасно, – продолжал Загорский, – отсюда вывод: выберут того, кого красивее нарисует телеящик. И следствие: выборы контролирует тот, кто управляет телевидением. Поэтому демократия – всего лишь красивая упаковка циничной игры. К сожалению, это реальность. Ее можно пытаться приукрашивать, но суть от этого не изменится.

– А как же в других странах? В Америке, Европе?

– Вы серьезно считаете, что там система работает по-другому? То же самое, но более тонко, и я бы сказал искусно. А что вы хотите, у ребят опыт – сотни лет, а мы только учимся. Учимся работать, так сказать, с аудиторией. Например, можно попросту сказать: иди, дорогой, голосуй за Васю. А можно красиво и изящно, полунамеками и подсказками сделать так, что

он сам побежит голосовать за Васю, уверенный, что дошел до этого своим умом. Настоящие мастера в Европе и Америке работают по второму варианту. А нам еще учиться и учиться.

Наташа поймала себя на том, что слушает Загорского с удовольствием. Ей импонировали манера речи и смелые мысли.

– Интересно... а как же тогда определять достойных?

– Точно не выборами. Я уже показал, что это невозможно. Хотите еще парадокс?

– Конечно.

– Как вы думаете, кому легче прийти во власть – порядочному человеку, или беспринципному мерзавцу?

– Конечно, мерзавцу.

– Правильно! – воскликнул Загорский. – Он может использовать приемы, недоступные для порядочного человека. Значит, на вершине власти находятся законченные негодяи. При чем это правило справедливо для любой страны и любого времени, за исключением, впрочем, эпохи монархий. Тогда случалось, что власть по праву рождения получали вполне порядочные люди. А сейчас... увы.

Наташа улыбнулась и сказала немного кокетливо:

– А как же вы?

– Я? Я, Наташенька, – счастливое исключение, подтверждающее общее правило.

Наташа доверительно наклонилась и тихо попросила:

– Вы же поможете нам?

– Конечно, это мой долг.

Наташа посмотрела Загорскому в глаза и сказала серьезно:

– Спасибо.

Она поднялась с кресла так быстро, что Виктор Сергеевич от неожиданности едва не расплескал вино.

– Мне пора!

– Наташа, стойте! А как же десерт?

– Нет, спасибо!

– Ну, хотя бы попробуйте! Так же нельзя! – Загорский говорил, а сам не понимал, откуда берутся эти слова. – Подождите минутку.

Виктор Сергеевич обернулся и подозвал официанта. Тот, подбежал, получил заказ, поклонился, убежал и тут же вернулся с зеленым яблоком на серебряном подносе.

– Яблоко! – рассмеялась Наташа.

– Я обязательно хотел предложить вам попробовать! Это лучший в мире сорт с запада Ирана. Еще позавчера оно висело в саду, который, по слухам, старше пирамид!

Наташа улыбнулась, села, взяла с подноса яблоко и откусила.

Загорский напряженно смотрел на нее, а про себя думал, с чего это вдруг он вспомнил про яблоко?

– Ну как?

Наташа положила надкушенное яблоко на стол.

– Кисленькое. Антоновка, хрустящее. В деревне такие были... но для наших еще рано – июль... спасибо. Я пойду?

– Я вас подвезу!

– Не стоит. Спасибо вам за все. Правда, спасибо.

– Ну, тогда, прошу вас... непременно звоните.

Загорский протянул Наташе визитную карточку. Она секунду колебалась, но карточку взяла и положила в сумку.

Прощаясь, Виктор Сергеевич поцеловал ручку так легко и непринужденно, что это архаичное действие показалось естественным. Наташа поняла, что снова краснеет, убрала руку, повернулась и пошла к выходу.

Она чувствовала взгляд сильного мужчины, поэтому старалась держать спину прямо и идти как можно грациознее.

Надо сказать, это было приятно.

Глава VI. Большая политика с точки зрения рядового исполнителя

Запись 25

*Москва
Старая Площадь
Четверг, 16 июля*

Иван Степанович Добрый-Пролёткин не любил темноты. Возможно, это связано с особенностями зрения или с засевшими в подкорке детскими страхами. Следствием такой особенности стало отсутствие занавесок на окнах и страсть к коллекционированию разнообразных светильников. Все полки рабочего кабинета на Старой Площади были заставлены удивительными приспособлениями, пришедшими из Бог знает каких времен. Светодиодные панели соседствовали с обыкновенными электрическими лампами накаливания, а керосиновые фонари времен первой мировой войны – с непонятными механическими устройствами, в которых время от времени что-то щелкало и скрипело. Особой любовью советника пользовались старые добрые свечи, правда, только восковые. Он любил зажигать их по вечерам, что создавало вид романтический и даже таинственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.